

Павел Яковлевич Зальцман
И. Кукуй
Щенки. Проза 1930-50-х годов (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964677
Павел Зальцман. Щенки. Проза 1930–50-х годов: Водолей; Москва; 2012
ISBN 978-5-91763-111-0

Аннотация

В книге впервые публикуется центральное произведение художника и поэта Павла Яковлевича Зальцмана (1912–1985) – незаконченный роман «Щенки», дающий поразительную по своей силе и убедительности панораму эпохи Гражданской войны и совмещающий в себе черты литературной фантазмагии, мистики, авангардного эксперимента и реалистической экспрессии. Рассказы 1940–50-х гг. и повесть «Memento» позволяют взглянуть на творчество Зальцмана под другим углом и понять, почему открытие этого автора «заставляет в известной мере перестраивать всю историю русской литературы XX века» (В. Шубинский).

Содержание

Щенки	5
Часть I	5
I	5
II	7
III. О первом щенке	9
IV. О втором щенке	14
V. Сон щенка	16
VI. О совенке и Лидочке	17
VII. Табор	22
VIII. Станция	25
IX. Дорога	27
X. Драка	29
XI. Сова	32
Часть II	38
I. Обед	38
II. Щенок и заяц	41
III. Жалость	43
IV. Медведь	46
V. О втором щенке	48
VI. Жалость	49
VII. Дом	52
VIII. Щенок и заяц	54
IX. Жалость	56
X. Заяц	58
XI. О втором щенке	60
XII. Медведь	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Павел Зальцман

Щенки

Проза 1930-50-х годов

В оформлении использованы графические работы *Павла Зальцмана*

Составление, послесловие и примечания – *И. Кукуй*

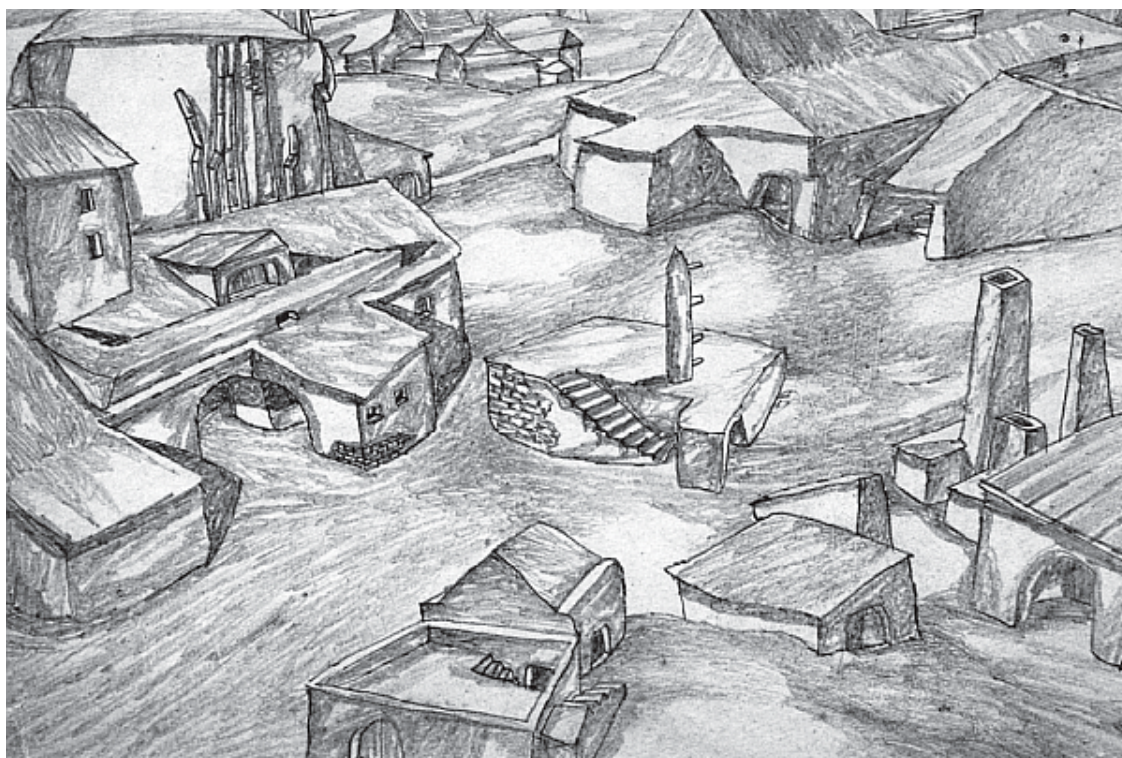
Подготовка текстов – *П. Казарновский, И. Кукуй («Щенки»), И. Кукуй (рассказы, «Memento»)*

Змея и львенок (Щенок). 1963. Б., тушь, перо. 42x51

Щенки роман

Часть I

Маленькая площадь. 1937. Б., графитный кар. 19x28

В Соснах летит ветер. Он гонит косые капли, срывает паутину с обрызганных иголок и уносит за скользкий бугор, на колеи грязи. Дорога бежит на тридцать верст в трясущемся ельнике до полотна, а там, за столбами дождя, поднимаются сопки.

Туман заполнил под ними долины, дождь расчищает в нем просветы и роет овраги под растущим небом. Вода несет пену. Короткие разрывы в тучах светятся солнцем. Навстречу ему мигают, отражаясь в каплях, ружейные огни.

Путь раскаленной пули из черного дула в закипающий дождь, через взлетевшие песчинки в срезанные стебельки, со свистом над норкой суслика, в дрогнувшую березу, раздробленную кору. Пуля вбита в твердый ствол, обтекающий сок мертвеет каменной коркой.

Одна забита, за ней летит сотня. Кузнечики сложили крылья. Сосновые шишки влипают в глину или бороздят песок. Трава, расходясь, свистит под прямыми дорожками. Суслик зигзагом катится в норку. Разбитый туман ложится и стекает в окопы, и дождь редее. Солдаты напрасно ищут, скользя в глине. Разбуженная сова улетает в мокрую чашу.

Деревня залита Удой до окон. На рассвете вода выбивает стекла, вымывает из щелей паклю, сбивает горшки герани и кружит пену по избам. Телята бьются в темноте, но в хлевах, выше глаз, всплывают кучи сена. На холм, увязая в грязи до насыпи, семьи перетаскивают что осталось. Дети прижимают кур, застывших вытянув лапы. Бабы, подоткнувши юбки, с мокрым зерном на ладонях, гонят коров под сосны. Там настилают ветки на крутые жерди шалашей и разводят самовары.

Мокрые от дождя блюда среди набитых впопыхах черепков наполняются кипятком. Капли срываются с вянущей хвои на шеи и в чай с плеском. Сквозь загар на суставах пальцев проступает желтизна. А деревня – Дубровка, о которой поется в песне «над деревней над Дубровкой низко ходят облака», – снимается с места крышами и плывет по Уде вниз.

Стога разодраны на сено лошадям, заборы разбиты. Льют дожди. Собаки гложут жерди.

* * *

В тьму ночную, в холод и злобное одиночество, назревши, падают капли. В мокрой палатке лежат два черных щенка. С лепестков сосновых шишек капает; песок под ними шипит, а те повизгивают, сжавшись, уткнувшись мордой под хвост. Палатка пустует, от четырех углов до средней обгрызенной стойки сквозь щели натекает, а кое-где из кирпичного пола уже пробилась трава. Железные кольца стучат о брезент, светящийся под быстрой луной. Когда она показывается, мчась, щенки во сне завывают слабыми голосами на весь оставленный лагерь.

* * *

По долине над Удой, по щиколотку в воде, задевая со звяканьем за черные кольца, в воздухе на веревках, штыками, бросая их тени на сосновые турники, нагибаясь к холкам от ударов веток;

мимо палаток в бегущих пятнах, мимо белой кузницы с разбитой стеной;
разгоняя тучи синих мух, мимо вытянувшей ноги, с белым гноем в прорезах глаз, павшей лошади с жадными мухами в ноздрях, ползающими у глаз, по животу и вокруг хвоста;
объезжая ее осторожно колесами в воде;
оставляя за собой падающий берег, огибая низины, по дворам на горе;
по каменной дамбе, сбиваясь рядами в затылки, наезжая оглоблями в задки;
через зыбкий мост, пока не снесло...

По сигналу трубача щенки выбегают на солнце, провожают солдат до воды, но боятся течения.

По утренней улице, разбрызгивая грязь, разбивая беленую церковную стену колесами на зыбкие кирпичи, навстречу ручьям, несущим ветки; мимо сорока телег на базаре, мимо круглого цирка из серых досок идут солдаты, на возах сидит пехота в сапогах, музыканты дуют в сияющие трубы.

По крутой дороге вверх ветки хлещут в бока лошадей. Спицы срывают листья с кустов, колеса прыгают по корням, и гремят кухни, качаясь черными трубами. Это за высокой сопкой слышен уходящий топот.

А беленая столовая в лагере рассыпается. Выплеснутый борщ высыхает, жир на костях съедают мухи, щенки подбирают узкие корки, отыскивают носами по траве дорогу к погребу и царапают дверь. Одна доска проломилась. Там пусто. Кирпичный пол крошится. Они оглядываются и видят, что крыша со стропилами завалилась, столбы расшатались в гнездах и известь обвалилась с досок.

II

Они влачат тяжелую жизнь. Еще в темноте их будит холод, они дрожат под черной шерстью, поднимают головы и зевают, открывая длинные зубы. Утром они стараются крепче свернуться, крутятся, продвигают морды к задним ногам, закрывают ушами и щурят веки, глядя исподлобья на широкие тучи. Если печет солнце, они выползают из палатки, тянутся, выпрямляя лапы, и чешут за ухом блох, обходят друг друга, принюхиваясь, и грызутся в духоте светящейся палатки или поднимая желтую пыль; потом, лениво лежа на спине, подняв лапы и отвернувши головы от противника, обводят заплывшим кровью карим глазом песчаные места.

Торчащие из елок дощатые будки, беленые заборчики и рухнувшие ивовыми крышами конюшни. Притворно с яростью, обхватывая лапами, влезая на загривок, они валятся на землю, открытым ртом в песок, вскакивают и набрасываются, опять перепрыгивая друг через друга.

Утомительное солнце гонит их в тень, в траву; раздвинув бедра, обтянувши мускулы кожей, они лежат и часто дышат, высунув языки.

Вечером, покрутившись у пустой койки с провалившимся сырым матрасом, оба бегут к реке.

Погружаясь когтями, как в воду, в мягкую траву, вынюхивая пищу, они налетают на гнезда грибов, лапами по навозу, на рой брусники в темноте и, закрывши глаза, плетутся назад к палатке. Животы подводит, и ребра становятся железными.

Свернувшись на кирпиче, они чувствуют язык в горячем жиру. Перебирая лапами, обнимают землю, но в тишине различают только шелест воды. Она уносит берега и с шипе-

нием наполняет их все выше. Пища прячется в гнездах в клейком пуху, в трухе; завернутый в лист лопуха со следами зеленых жил, лежит кусок слепого сливочного масла. А в гнездах так же неподвижно лежат, моргая, птицы. Щенок, шевелясь во сне, видит, что из-за колышка палатки поднялся серый птенец, но не успел разглядеть, там хлопнула сверху шишка, птенец покатился, и оказывается – его нет.

Щенок закрывает глаза, но вдруг нечаянно замечает, как что-то шевелится на том же месте. Он приподнимает голову, но это прижалось к земле и пропало. Он остается лежать, и опять показался птенец, еле различимый, как земляной комок; только щенок двинулся, он исчезает. Это снится всю ночь.

В начале ночи из песчаной норки вылезает бурундук¹ и на острых коготках пробегает мимо палатки. У коновязей он подбирает просыпанный овес и на рассвете, растолстевший, уползает обратно.

А второй щенок, касаясь нижней губой, с розовой кожей под белой шерстью вытянутых лап, приглядывается сквозь сон к треугольнику входа, к темному небу. Безглазый, с опухшими ноздрями, он лежит неподвижно и чувствует всей кожей приближающийся рассвет.

* * *

Все чаще нечего есть. С опущенными носами они бродят по дну землянок и натываются на битое стекло. У погреба в пятый раз обглаживают голые кости с присохшими сухожилиями, часто подходят к кухне, но дверь закрыта.

Все сильнее холод, а утром тошно глядеть на воду. С неохотой лакая из реки, глотая с трудом, щенки отрываются, голодные. Они проползают в дыру заборчика и обходят столовую, влезают со скамеек на столы, ищут крошек хлеба – ничего нет. Первый щенок глядит на закрытую заслонкой дыру с подоконником – это окошко в кухню. Отсюда дают тарелки борща, и рубленые листки капусты в огненных на языке жировых кружках выплескиваются на пол; дают мясо, а после него остаются тонкие кости, косые, бараньи, как сабли с бахромкой мяса по острому краю. Вне себя щенок лезет к заслонке, но не может достать. Лопатки движутся, лапы и шея тянутся вверх – слишком высоко – опустился. Прыгнул бы – не так просто. Он прыгает на скамейку, со скамьи на стол у окна и скулит неслышно. Наконец бросается носом в заслонку, больно ударился, выбивает и падает в кухню. А второй, влезши на стол, глядит сквозь окошко и тоже летит. Чуть не сорвался, но, царапая задними лапами, взбирается на подоконник и спрыгивает на кухонный стол.

Там было пусто. Только в баке на плите высохшие остатки – вроде картофельного соуса. Оба влезают в бак с головой; так как им поместиться трудно, становятся на передние лапы и, головами вниз, подбирают что есть. На последнем куске они не дерутся, каждому достается по сухой картошке.

Выбираясь из бака, они переворачивают его и, когда он падает на пол, заглядывают внутрь и видят, что стенки чистые.

Первый щенок выбирается из кухни под столами, по траве к дороге, в первый раз перебегает канаву, задевая дикие маки на черных мохнатых стебельках, и продолжает вперед. Второй за ним.

Оба оставляют лагерь и бегут на запад.

* * *

Один идет быстро, а другой отбегает в стороны. один гонится за сусликом, а другой ловит птицу. один бросается вперед, а другой пропадает в соснах. один слизывает языком бруснику, глотая по ягодке, а другой старается набрать в рот побольше, чтоб проглотить сразу. один лает весь день, а другой стонет во сне. Один тянет налево, а другой – направо.

¹ Бурундук, бурундучок – так называется в Забайкалье суслик. – Примеч. авт.

Пройдя через сосновые леса, через сопки, каменоломни, две долины и три речки, пробывши вместе несколько дней, они решают расстаться.

Ночью, сидя у воды и поднявши головы вверх на луну, они поют друг другу песни, которые слышали в лагере: «За рекой барана режут, я баранины хочу...» и т. п.

После этого первый взбирается вверх, а второй лезет на холм, в ельник, ложится и засыпает.

III. О первом щенке

Первый щенок до вечера карабкается когтями по корням, под высотой. У перевала на вой снизу он выглядывает, обрызгиваясь, из мокрых листьев и видит море. А на земле, в темноте, между крышами поселка, различает беготню. По холмистому берегу под черным телом щенка солдаты тащат из разбитых стен, звенящих стеклами, через ворота вещи; перебрасывают через заборы сено, волокут на веревках телят, и головы у телят выставлены вперед.

А дальше, на воде, вытянув шею в складках, щенок видит десяток барок в огнях. То к одной, то к другой в беспорядке подходят лодки и толпятся вокруг, поднимаясь на воде. Люди в них мостятся к бортам, перебрасывают и втаскивают наверх мешки, живых овец и телят с ревом, и гребут обратно.

Щенок, ища сухого места, наостряет уши на крики и опять смотрит, опираясь о стволы, царапая кору.

Внизу в деревне темнеет. Сыпятся из окон стекла, солдаты выбивают рамы, продирают мешки в осколках; мятый самовар катится в канаву. Старуху волокут на сундуке. В двух концах мигнули выстрелы. Вслед за их стуком зашумел крик. Солдаты подбираются через овраги и тащат на спинах мясо, путаясь в высокой траве, – ободранных овец с окостеневшими ногами, пестрых как фасоль, с разрывами жира, – и валят на брезенты, в лодки. Не отрываясь от них, щенок вертится в опавших листьях у обрыва, проваливаясь лапами. Яма под ним глубиной в рост. Крест-накрест, торча из ее боков, висят обросшие землей корни, а на самом дне блестит вода.

Он заглянул туда, нет ли пищи? Только он лег, чтоб заснуть, как по тонкой косе – видно по песку – замелькал бегущий в белой рубашке, а за ним, растянувшись, трое в шинелях.

Четверо со скачущим промежутком приближаются к подъему. Рубашка лезет в сосны босыми ногами и руками, хватаясь левой, опираясь на локоть правой, в которой что-то крепко держит. Солдаты еще внизу, последний отстаёт и кричит вдогонку; зовет; махнул и побежал обратно.

Второй на крик оглянулся вниз, зашатался, прыгая на ребрах сапог, хватаясь равновесия, поскользнулся на хвойных иглах и поехал назад по склону в ветках, сбивая капли; ударился о ствол и минуту сидит, ругаясь вслед, задравши ноги из скомканной шинели.

А первый почти догнал, живо дыша, ломая сучья – руками сквозь листья, – паренька, всползающего без оглядки.

Тот слышит за собой и кричит на помощь каким-то ржавым писком, но не перестает взбираться наверх, царапаясь пальцами в мокрой земле, почти до самого щенка.

Уже видна у него под носом сопля, закрывшие лоб волосы и побледневшее лицо в веснушках с испуганными глазами. А в руке голый петух без головы. Тут солдат поймал его за ногу и потащил вниз; сучок под рукой обломился, а солдат, утвердившись на уступе, закрутил воротником шею так, что откинута голова треснула и мальчик вытянулся всем телом. Солдат – натянулась кожа на сгибах пальцев, кости побелели на кисти – закручивает сильнее мокрый ворот, вытянув ситец, под ногтями ткань разошлась трещи, и парнишка вылез плечом, выдираясь руками из рубахи, но закручена у горла. Солдат держит левой рукой, правой всаживает ему в рот петуха. Мальчик отклоняется, туго ворочая головой, но петух норовит в

рот, мажет по зубам. Он отталкивает рукой и хрипит, и хватает солдата за рукав. Оба только дышат тяжело. Наконец солдат, замахнувшись, дает ему еще по голове петухом и говорит сквозь одышку:

– Вот тебе, б..., сука, а теперь кушай, кушай, не воротись!

Он отставляет руку, которой держит пойманного, чтоб было побольше размаху, и удачно попадает петухом в нос и в зубы.

Мальчик откидывается и кричит, как у колодца ворот, особенно от страха. У него из разбитой губы и из носу, перевивая соплю, вытекает кровь, он вырывается. Однако солдат зажал крепче и, тряхнувши, задел за ветку, разорвал по ребру сучком, а на крики вверх между сосен вылез кусочек неба. Издали только птица. Это тебе не шишки, не столько пить, сколько лизать капли. Лукаво в пыли выбирать желтый цвет из зелени, венки на заборе, по шее со слезами в сметану, и опять петухом, так что совсем осипло.

Мальчик перебирает босыми ногами и рвет рукав шинели. Солдат дает широкой горстью последний раз, бросает на землю и сбивает сапогом на несколько шагов вниз. Мальчик упал удачно на руки, полуползет, вскакивает и поднимается бежать. Тогда оставивший было это дело солдат опять прыгает за ним, только чтоб крикнуть для страха. Но мальчик, ошалеv, босиком легко взбирается по стволу кривоватой сосны и там – с ветки на ветку.

Солдат, держа петуха, спускается не торопясь к дереву и, задравши голову, кричит:

– Где Настя? Куда вы ее девали?

А мальчик, захлебываясь плачем, с напряженным лицом расчистил ветки, плюнул сверху и кричит ему:

– Сам вор, дерьмо, я тебе попомню!

На это солдат остановился, взялся за сосну и с трудом полез. Мальчик кричит: «А что я, я не знаю, где Настя!» – и лезет выше и выше, выглядывая, где тонкие сучья, а солдат бормочет: «Подожди, я тебе дам духу», и совсем от него близко, качаясь со стволом, тянет руку за его ногой. Мальчик подбирает ноги и у самого неба отползает от ствола по ветке.

Солдат глядит вниз на плетенку сучьев, пробует ветку, бьет сапогом, чтоб сломать, вытягивает руку, не может достать, нет ножа, чтоб срезать. Молчащий мальчик глядит на него, выпучив глаза, мало что понимая.

Вдруг он съежился, глаза изменились; не меняя места, он глядит назад за спину солдата. Он вытянул руку, показывая на что-то сзади, и завизжал своим скрипучим голосом, с ужасом глядя туда так страшно, что солдат оглянулся, выпустив ствол из рук, рванулся опять уцепиться, но сапоги соскользнули с ветки, и, ударяясь о нижние, он пролетел через иглы, в последний раз схватился за одну из ветвей, но силой удара сорвал шелуху и упал на землю с коротким хрустом. В этот момент он крикнул и продолжает стонать.

Щенок, унюхав петуха, оставленного тут же под деревом, нерешительно вылез из ямы, спускается к петуху, но сверху ему в спину попадает большая шишка.

Он, не выходя из кустов, испуганно поджимает зад и видит, что мальчик, качаясь наверху, метит шишками в солдата: они то попадают, то вокруг хлопают мимо. Солдат подтягивается к стволу, отдыхая, носом к земле.

«Зачем ногой?» – он сжимает рукой пучки травы, пальцы работают; от плеча к лопаткам без боли; приподнимается на локтях и хочет встать. «Только бы вернуться, надо бежать», – но неподвижную ногу защемило, как клин, колодой; он не верит боли, но ползти нельзя, и напрасно пробует подняться.

Мальчик, сидя над ним, попал несколько раз ему в голову, но слезать боится, так как солдат косит вверх, лежа у самого дерева. Иногда кажется, он без сознания, но вдруг говорит, найдя его в просвете:

– Колька, беги, позови ребят, я тебе отдам ремень.

Мальчик послушно лезет вниз и прыгает на землю возле солдата. Тот поворачивает голову и пробует достать до него, но останавливается и довольно долго и со стоном переворачивается навзничь. Испуганный мальчик отпрянул и, видно, хочет идти вниз, но задерживается и потихоньку оглядывается вокруг. Солдат уговаривает:

- Только приведи наших, дам ремень, и обойму дам, только приведи наших. Ну, беги.
- С патронами? – спрашивает мальчик.
- С патронами.
- А бить не будешь?
- Что, не веришь? Не видишь, ногу сломал.

Мальчик наклонился над ним, слушая. Солдат поворачивает на него глаза. Мальчик глядит ему на руки, нагнув голову, и видит уже давно лежащего рядом с ним петуха. Он быстро хватается за лапу и прыгает назад, но солдат успел поймать его ногу, подкосил, подтянул к себе, так что он проехал спиной по земле, и шепчет:

- Ты так! Так я ж тебя расшибу о ствол...

И он душит мальчика петух выпадает из рук, и, напрягши силы, поднимает его, чтоб ударить об дерево. Мальчик кричит ему:

- Пустите, дядя, я приведу, ей-богу приведу солдат!

Солдат останавливается. Мальчик с плачем спрашивает:

- А ремень дадите?

Это его убеждает, он отпускает мальчишку и хлопает рукой по ремню. Хочет сказать «дам!», но вместо этого стонет.

Мальчик убегает вниз, но возвращается, берет петуха, лежащего далеко от солдата, и говорит ему, следя и как будто чего-то ожидая:

- Снимите ремень, а то я не пойду, может, еще врете.

Солдат лезет под шинель и убеждает плачущим голосом:

– Ты что, дурак, не понимаешь? Человек ногу сломал. Знаешь, чего стоит своя жизнь? На хуя мне сдался этот паршивый петух. Я тебя вижу как в первый раз. Беги в деревню, чтоб сейчас же шли. А ремня мне сейчас не снять, – и бормочет про себя, сжимая руку под полой. – Скажи, человек умирает.

Мальчик отступил и, подумавши, говорит:

– Нет, лучше я пойду себе с петухом, а вы тут, дядя, как хотите. А ремень бы я взял. Я б вам поверил, если б вы мне поверили, я бы десять раз сбегал. – И он опять выжидательно смотрит. Тогда солдат, расстегнув кобуру, направляет на него черное дуло и говорит:

- Стой, дерьмо!

Побледневший мальчик убегает, не сходя с места. Солдат спрашивает:

- Где Настя?
- Пропала Настя, не знаю.
- Скажи где, а то убью! Это видал?
- Не знаю я... наверху...
- Где еще наверху? Здесь?

Мальчик улыбается:

- Нет, откуда здесь. Там, на чердаке.

Солдат говорит мальчику, что и сам уползет, только трудно. И если он не позовет, то там, в деревне, он его порешит, а Настю и сам найдет. Солдат сжимает зубы и скрипит ими:

- Беги, приведи их! Пойдешь?
- Пойду...
- Нет, сволочь, не пойдешь! – И солдат стреляет в мальчика.

С железным звоном и криком тот падает на живот и корчится, коленки к подбородку. Солдат пробует ползти. Боль одолевает его, он еще тянется и переворачивается, то же делает и мальчик, повторяя его движения, подползая к нему и пищит:

– Дядя, за что вы меня убили, – и зарывается телом в землю.

Солдат, не замечая его, старается уползти вниз и разглядеть в сумерках, что делается в деревне, волоча ногу, упираясь руками в землю: кричать напрасно, он шарит в траве, а затем припадает и уткнулся рядом, видно, без сознания.

Вдруг с шорохом мальчик удивительно прытко прыгает к нему хватая лежащий в траве револьвер, рукояткой, охваченной светлой сталью, бьет солдата по голове и отскакивает, потом подходит опять, заглядывая в глаза вытянувшемуся солдату и, наведя дуло для верности на его грудь и держа револьвер обеими руками, стреляет четыре раза, разглядывая после каждого – что случилось? Мальчик долго нажимает пятый раз, но патроны израсходованы. Затем быстро подбирает, шаря в темноте петуха, отыскивает гильзы и убегает, ссыпаясь вниз по склону.

Солдат. 1936. Б., графитный кар. 30х17

Щенок выползает из листьев, обнюхивает солдата; грязные широкие пальцы окостенели; щенок обходит его руки и ноги, слышит запах петуха и давится голодной слюной.

Внизу на улице сверкнули огни и задвигались сквозь качнувшиеся ветки. На его шерсть капнула капля. Совсем потемнело, и зашумел дождь.

Повертевшись, он задрал ногу и попал струей в ладонь убитому. Он побежал вниз.

Дождь усилился. Продрогший щенок заполз под куст, свернулся, больно касаясь спиной твердых сучков, и заснул под лапой ели, где сухо, иглы, мох и паутина.

Глубокий сон прерывается холодом, а может, криками снизу. Это с фонарями к осевшим бортам подходят последние лодки. Вверх по наскоро сколоченным мосткам тянут четырех коров за рога веревками, подпирая в бока шестами. Поверх уложенных мешков, рас-

пертых картошкой, натягивают брезент, барки закрываются низким от дождя дымом, лодки плещут веслами, и в двух местах скрипят лебедками самодельные стрелы. В темной деревне тихо. А на мостках, выдающихся в море, толкуются фонарные огни.

Дождь притих. Щенок вылезает из куста. В слабом свете поверх черных сосен желтеет открытое море необычайно глубокого и холодного вида. Щенок моргает белыми бровями. Он лижет, с трудом отыскав, красную бруснику по капле и пробует спуститься, но в темноте оступается лапой в пустоту, кое-как цепляется задними ногами и пятится. Сжавшись от холода, вдавивши дряблые кости, он досыпает остаток ночи. Скоро вскакивает и ждет, не решаясь.

Глядя сквозь туман на холмы, на разрытую землю внизу, на то, как стало тихо, на барки, едва различимые перед восходом солнца, он вынюхивает пищу. Она представляется ему. У него глаза блестят от жадности, язык валится из пасти, слюна стекает в глотку. Невниманье закрывает крутизну, нетерпение укрепляет когти.

Он спускается в оползающую глину, падает на передние лапы, скользит по стеклянной коре лежащих берез — чем ниже, тем холоднее сырость, но он этого не чувствует. Он спешит на запах от походных кухонь, которые дымят на барках, и входит в воду по щиколотку.

Между источенных камней водоросли бьют и путаются вокруг его лап, покрасневших сквозь белую шерсть. Пот стекает с красных пальцев и уносится водой, грудь вмещает бочку воздуха, ноздри дрожат, так как туман понемногу поднимается, и щенок видит барки, наполненные людьми, с массой составленных повозок, ящичков, мешков и так далее, с дымящими кухонными трубами, их то и дело закрывает бегущая на него вода. Он плывет вперед к близкой барке, часто загребая лапами в прозрачной воде.

Он выбивается из сил, перебирающие лапы мертвит и ломит холод. Барки не приближаются, вдруг ему видится, что две задвинулись за выдающиеся в море мостки у поселка, за ними третья. Все меняют положение, отодвигаются в море и, растянувшись, опять показываются, но уже далеко.

Щенок догоняет через воду, вытягивая вверх морду. На секунду он выскакивает, поднатужась, грудью из воды, собрав все силы, на четыре лапы, чтоб бежать по поверхности. Но этого не случилось. Он тонет в глубину и в ужасе — «выбраться!» — отталкивается ногами, вверх.

Только его вынесло на свет, волна переворачивает его навзничь и относит назад. Он направляется к берегу с одним желанием вернуться, добраться, не хлебнуть.

Помутненный, он царапается по песку под ледяным дождем до жидких кустов и трясется всем телом.

Ненадолго глянуло слабое солнце. Из поселка, закрытого холмом, ничего не слышно. Видно, солдаты уплыли и там разбираются, что осталось.

IV. О втором щенке

Расставшись с первым, спотыкаясь на подъеме, — «войди в меня вся ты», — второй щенок ложится в бруснику отдохнуть: «С твоей разлившейся рекой, черной, с горами и солнцем, белым, садящимся за облака».

Оно освещает хвойный лес по крутизне вниз. Там он редет, белеет песок, и зеленеют полосы невызревшего хлеба.

Через стебли цветов в четыре роста, качающихся под самым носом, второй щенок осматривает небо в тучах, задом к долине. Он обернулся на шорох ветра и заметил, глядя на серый разлив, что по воде плывут деревянные крыши. Река выбегает из тумана; там, зажатая берегами, она дрожит рябью с грохотом — здесь не слышно, и некоторые крыши на его глазах разворачиваются торчащими досками и зарываются в воду, а вверх вылезают щепы и

несутся дальше. А дальше блестит затопившая долину золотая грязь на сорок верст. Между островками, торчащими как камушки макушками деревьев, крыши застревают как кочки.

По стеблям разлился черный сок. Огненные языки прорезали тучи. Ветер и вечерний холод знобят тело. Прислушиваясь к усиливающемуся шуму, щенок следит, как на западной стороне гаснут пятна солнца. Темные сопки плывут, омертвев, в затылок вокруг долины. Ветер приносит бегущий шум. Щенок вскакивает с места и уходит выше.

Он дошел до поворота. Перед ним открылся обрыв с лежащими внизу стволами. За пропастью краснеет западная стена следующей сопки. Тучи набежали на землю, вокруг щенка оседают капли, так что на камни и на мох не сесть. Вода сочится под ним по камням и стекает в темные ямы каменоломни. Щенок оглядывается по сторонам и вверх. Над ним на каменной площадке из высоких желтых стеблей в цветах с оббитыми дождем лепестками торчат четыре ствола, и дощатый красный флюгер застыл в безветрии.

Вдруг он вздрагивает и со скрипом поворачивается, блеснув в тумане под лучом низкого солнца. И туман вокруг, и самая земля светят красным светом щенку в глаза. Он не решается – по краю обрыва или вернуться вниз в лес. Он с любопытством, дрожа от холода, сидит и ждет, следя ушами за шумом, который усиливается. Внезапно ударами ветра сбивает с хвои капли, и снизу подымается до ушей бегущий вой – это крик десятка голосов. Щенок вскочил и убегает вверх, сторонясь обрыва, мелькая черным телом сквозь торчащие из камней стебли. Не считая в страхе впадин, ни толчков мордой о землю, карабкаясь навстречу воде, он выдирается из крутой хвои с рассеченной черной кожей, с проступившей кровью.

Ветер задувает снизу и обрушил ливень. На площадке клубится дым, и от земли светятся насквозь огнем прямые струи. Дождь окатывает навес из веток на трех прислоненных к дереву столбах четырьмя стенами искр. Костер открыт с четырех сторон и для шипящих капель – сверху – сквозь щели в соломе и листьях.

За спиной водяная темнота. В хвое, стучащей, скользкой на крутизне, глина бороздилась когтями. Щенок ложится на брюхо в бегущую воду, ощупывая подушками лап брусничные плотные листики, и, ослепленный костром, неотрывно следит за ним.

Две женщины сторонятся от огня, налетающего снизу по земле, с каждым порывом ветра отклоняются внутрь и в стороны или тянутся к нему, разнимая руки – согреть, в постоянном беспокойстве, отстраняясь от струек сверху, выказывая колени из-под юбок.

Постарше стоит на коленях, опираясь о пятки мокрым задом, касаясь земли голенью и верхней частью согнутой стопы, и выглядывает за огонь в темноту, плача от дыма. Другая сидит на фанерном чемодане, опустив вниз мокрую голову. Щенок подползает в три приема и, оставив тело под слабеющим дождем, высовывает голову за их спинами к огню, глотая дым.

На зерна клея натекают капли с концов иголок; внизу бушует речка, – в красном ухе склеенные волосы, глубиной десять сантиметров, – в каменном ложе, кидаясь как маятник, но вперед и вниз.

Молоденькая стягивает раскисшие и продранные чулки в грязи, обнажая ноги, встает, вытирает их и расправляет пальцы, выминая из травы чавкающую воду, и протягивает сперва одну к огню – согреть, потом другую, касаясь согнутой спиной потолка, дрожа от капель воды сквозь щели. У щенка промерз живот, он прыгнул к огню и отряхивается, обрызгивает голые ноги без волос; женщины закричали, – вторая нагнулась за веткой, – и отступили от огня с испуганными лицами высоко в темноте. Но, рассмотрев щенка, придвинулись, а он лег. Шерсть сделалась теплой и сухой.

Они уже спят, подстелив из корзины сухое серое одеяло, прислонившись плечами, глядя в темноту закрытыми глазами. Щенок засыпает тоже. Ему приснился сон.

Он проснулся и видит – никого вокруг. Дождь перестает. Солнце встает под ногами сквозь зелень, за стволами. Вокруг открыто всюду. Он на самом верху сопки. А женщин нету.

Дождь размыл следы. Туман рассеялся, щенок бросается искать, скользя в глине, спускается по камням до обрыва, и, кажется, далеко внизу мелькают две светлые фигурки.

V. Сон щенка

Деревня лежит в долине. Она занесена снегом. «Голубой разрыт у окон. Значит, кто-нибудь есть? – Нету. Надо через десять стен из камней по садам». Каждый камень из ракушек, ноздреватый, обмерз льдом, поржавел от летних дождей и блестит под светом из горящих окон.

Скатившись с высокой насыпи, щенок упал в сугроб и еле выбрался, оставляя глубокие следы до мостовой; когти бьют со звоном, и пальцы кусает холод. Ему захотелось есть, а для того чтоб попить, надо глотать колючий снег. Он бежит без шерсти, голый, с дрожащими ребрами, стеснительно, с сухими глазами, на кожу тихонько падают снежинки, прожигая. Он подбегает к воротам тонкими ногами, подпрыгивая, и приникает носом к щелям под воротами, стараясь высмотреть, скребется, встает у окон на задние лапы, ищет женщин, но не видит сквозь ледяные звезды, там ли обе, а главное – молоденькая. Но чем темнее, тем больше ожидает их где-нибудь тут же и томится надеждой.

Местечко. Пустой город. 1970. Б., тушь, перо. 44х60

Вдруг в окне за спинами домов зажегся огонь. Там, кажется, две фигуры. Он побежал к ним через заборы, путаясь в сухих стеблях бурьяна. Стены улицы растворились. За воротами снег окружает воду. У незамерзших колодцев открытые двери ведут к лестницам и в комнаты, тесно уставленные сундуками и столами, в дверях кадки, в сенях клетки со спящими курами, на плитах в кастрюлях вчерашний борщ, языки горячего перца на веревочках, за замерзшими окнами сковородки. «Тут кто-нибудь должен быть. Но никого нету». Ни души. Ни ее, ни подруги. На середине дороги он вылез на верх стены, спотыкаясь в снегу, по кам-

ням, и не знал, как оттуда слезть. Под ним глубоко качались верхушки деревьев, ему хотелось оторваться, он ступил вперед и полетел над землей, вытянув лапы, двигая ими, с трудом, стремясь все выше, над темными низинами, над черным спуском глубоко, над массой голых веток торчком, кружащихся направо, направо. Белый снег уносится мимо, искрясь на ветках все пушистей и мягче. Свет бежит внизу полосами и сменяется черными выемками. Ветер с крыш сметает снег и сыпет глубоко вниз. Все мелькнуло и провалилось неощутимо. У самого дома он бежит к окошку и видит в середине комнаты молоденькую с открытой шеей, нагнувшуюся над плетеной корзинкой. Видно, она собирается в дорогу. Она подняла голову и серые глаза к нему и бросилась от окошка. Он слышит босые шаги за забором. Калитка открывается. Там стоит девушка. Это она и есть. Зовут ее Лидочка. На этом он проснулся.

VI. О совенке и Лидочке

На полустанке у трех кирпичных домиков стоит высокий столб, врытый в землю. Два немытых, в тряпках, мальчишки с тонкими раскрытыми ртами оббегают, прыгая, вокруг столба и возносятся на веревках в воздух.

Ветер открывает холодное солнце, свистит травой до реки и гонит чистую воду вспять через широкие камни. Вода срывает с них только успевшие прорасти семена, оголяя и ставивая ребра, и выносит с шумом на отмели сухими, как белые кости.

Лидочка спустилась по ступенькам из вагона в желтом платье, за нею Петька в кожаной тужурке. Они укрепляются в петлях и бегут вокруг столба. Он широким шагом, а потом прыжками, разнося ноги. Ее сбивает вниз к земле, она задевает краями платья за острые кончики травы. Теперь он готов налететь на нее. Его штаны разглажены в складку, и острый нос с глазами улыбается красным ртом с торчащими врозь зубами. Он щелкает твердым языком и прыгает вверх, как кузнечик в горячий вечер. Она скользит вкривую над землей со сжатыми ногами, обнаженными ветром, ее прибивает к столбу, она безвольно смеется. Один из мальчишек глядит на нее с пристальным восторгом, подходит ближе, следит за ней.

Вдруг ударил колокол. Лидочка освобождается и бежит что есть мочи с трещащим под ветром шелком к насыпи и взбирается по ступенькам в вагон. За ней Петька, обнимая в тамбуре плечи.

Мальчишки прыгают по траве. Лидочка выглядывает из окна и видит, как оба высоко перелетают вокруг столба.

По свистку поезд трогается и со стихающим грохотом уносится в лесную глубину. Когда за деревьями скрылся последний вагон, оба мальчика, обогнув столб на уровне его верхушки, лежа на воздухе, перекатываясь с живота на спину, выпускают петли веревок и с силой разлетаются в разные стороны, на лету расправляя крылья, и, сомкнувши тонкие рты, выпучив круглые глаза, пропадают над лесом.

По скучным местам гремит вода. Реки кидают камни в гранит быков под мостами, летят на корни берез, и тонкие стволы трещат и гнутся. Льет ливень, подпрыгивая за маленьким окном трясущегося купе в тысяче неровных скатывающихся капель. По всей долине, покрытой изодранной рухлядью, с каменных пластов в снежных рубцах разливается светлая вода и катит в траву неотесанные куски еще живого камня. Они обрастают на третий день. Вода оббегает их, разделившись на две струи. Вдруг ударяет третья и катит вперед, перемалывая на отмелях между гремучей галькой.

Под вечер небо очищается. Появилось заходящее солнце. На разъезде Солзан Лидочка спрыгивает в мокрую траву рвать цветы до свистка. Она собирает вот что: синие, крохотные, ковыряясь розовыми пальцами с длинными ногтями в мокрой земле, стараясь захватить побольше коротенького стебелька, мохнатого, увенчанного массой глубоких чашечек. Высоко торчат два красных петушьих гребешка с длинными, кривыми как сабля, разделен-

ными лепестками. Внизу под насыпью растет шиповник. Она сбегает. Отсюда шагах в десяти блестит желтый мак. Лидочка торопится к нему не опоздать, но у самого мака в траве видит расправленное крыло и маленькое туловище совенка, уставившегося клювом в землю. Перья поломаны. Лидочка хватает его, выпустив из рук сломанный мак, суется, подбирает свои цветы, не замечая других, и опрометью бежит к поезду. Когда вошла, прижимает к себе совенка и шепчет ему в клюв, вытягивая губы.

Поезд тронулся. Он бросает Лидочку в стенку лицом, совенки бьет здоровым крылом, вырывается, слетает на нижнюю скамейку и переваливаясь прыгает в угол за одеяло. Сверху Вера, Лидочкина сестра, свешивает босые пятки, раскачивая белыми икрами над совенком, разбрасывая ноги, уносимые поездом. Она нагибает голову, касаясь грудью колен, еще ниже, ложась, подбирая ноги снова на полку, ленись соскочить, но в любопытстве. На крики Лидочки она уставилась покрасневшим лицом, серыми глазами на совенка, представшего перед нею вверх ногами, глядя ответно ей в глаза. Развлеченная развернутым крылом и блестящими глазами совенка, она, опираясь руками о полку, со свалывшимися русыми волосами, выставляет торс, так что груди свешиваются над ним сосками, и старается схватить его рукой, держась другой, вытянутой, за противоположную полку, сползая все больше, болтая ногами над головой. А Лидочка подвигается к нему бочком и достает со столика у окна, залитого опять потоками дождя, бутылку молока и, наливши в чашку, не пролив ни капли, подносит ее к клюву. Вера спрыгивает вниз босая, хватая совенка в руки, тычет его головой в чашку, но он отряхивается и не пьет. Тогда она раскрывает клюв, а Лидочка крошит белый хлеб и, макнувши в молоко, с падающими каплями глубоко опускает кусочки в красный рот между острым языком и небом. Совенок глотает.

По рельсам вода, и колеса в глубокой, разрезая со стоном на две стены бегущих брызг, неотличима от наполненного падающим дождем воздуха – в погруженную траву венчая пузырьками острие.

На сухом местечке заяц, очумелый, сгорбившись, дрожит, с оглядкой сползает в низину и дает стрекача.

Вокруг совенка в вагоне столпились люди, нагнувшись, водят его пальцем. Петька наблюдает ползание по полке; с трудом, так как черные следы, как когти под крылом, вонзаются, разделяя тело, разрывая связки, в жару, и сладкий кусок глотает насильно, противясь, неподвижен, убегая, спотыкается. Остановился проходивший проводник в синем кителе, нагнув шею, бойко попробовал пальцем снизу когти и открыл клюв, погладил перья, протягивая руку из-за стоящих перед ним, и поглядывает быстрыми глазами, немного навывкате, видно, близорук.

Наконец у всех его отнимает Лидочка себе одной. Взявши за обе ноги, свернувши пальцы с когтями внутрь, она приближает клюв к губам, дует ему в глаза, раздувая в стороны пух, толкает его шагать по скамейке и рассматривает со всех сторон.

Когда все разошлись, она говорит о доме:

– Скоро мы приедем, ты будешь за дверью пугать подруг, глядеть в окно на снег и прикасаться к шее теплым. Я научу тебя летать по комнате осторожно – стекло на буфете; звеня о рюмки, садиться на плечо. Я буду с тобой танцевать, вертеть над головой на крыльях и опускаться мне на палец. Мы с тобой заживем, – и она его целует в закрытый клюв. – Вечером гулять вместе. Не улети без цепочки.

Укладываясь спать, она сажает его на одеяло у ног. Поезд укачивает ее; постоянно под ней дрожит скамья. Темнота за окном поблескивает, как смола, зигзагами капель по стеклу. Лидочка засыпает и слышит сквозь сон, как совенки шевельнулся в ногах.

Вера лежит спиной на трясущейся полке над сестрой. Она открытыми глазами вверх глядит на темный потолок и в черное окно. Пронесются белые березы по шесть и больше

из одного корня, за ними, кривясь, бежит земля, и медленно движется горизонт. Дождь учащается и светлеет.

Когти расслабляются, разъединенные кости, смещенные связки, хрупкие прослойки жира, раздавленные или смятые, – все притягивает горячую кровь; отработка, не находящая выхода, медленно уносимые частицы скапливаются и оволакивают воспаленное место. Мясо вокруг пронизано ими. Все вспухло. Под взъерошенными перьями, под черными сгустками набито желтых отеков – песок мешает двинуть широко раскрытым крылом.

Вагон бросает в стороны. Из открытой в тамбур двери, через перескоки и гром колес слышен шум игры.

- Пшик ему!
- Да! Пропали вини!
- По козыри. Загубили его.
- Почему у меня три? Добавь еще.
- Сейчас ход отдал бы, и все в порядке.
- Десять бубен, десять крестей.
- Нет, бери, какой тут интерес. Идет с правой руки?
- Значит, по-твоему, мне надо было отброситься?
- Иппонский городской! Вот она и берет...

Веселый проводник сдает, карты ложатся на серую салфетку, задевают бумажку с солью, полбутылки, зеленые огурцы и две консервные банки с разрытой перочинными ножами рыбой в томате. Четверо проводников в служебном тянутся к картам, закрывают веера из пяти, поворачивают к свету. Один из них срезает кожу с огурца язычками. Проводник, мигая белыми ресницами, говорит:

- Огурцов завал. Везу три сотни солить. Остальные поберегу на масло.
- Продают в листьях.
- Будет течь.
- А на что корзинки из лыка?
- Тут надо смотреть на каждом полустанке, чтоб не пропустить кедровых орехов дочкам.
- А веники дальше.
- Под Москвой ведрами яблоки, и груш в этом году урожай.
- Никогда так карта не приходила, как сейчас.
- А мы ее побьем!
- После поездки всего отдыха неделя. Да, надолго не соберешь, не такая работа, опять пропадать – приходится думать об семье.

Махорочный дым из двери проникает в вагон, голоса путаются. Неподвижно. Не слышно. Ни шороха сверху. Вера, как лежала, забылась, засыпает.

Совенок сидит, качаясь. Помятое крыло, вывихнутое, тянет тело вбок и назад, голова бессильно склоняется клювом, глаза закрываются голубой пленкой, и шаги сбиваются. Он слушает, глядя на белую кожу Лидочкиного лица, на тихонько дышащее, подобрав ноги, тело, укутанное тонким одеялом, и подходит на слабых ногах по краю скамьи к ее затылку в белокурых завитках.

«Выросла огромной, маленькая, милая, не моя, не добраться самому до полки вверх, махая крылом; не моя; не пошевелить, не сдвинуть, и спит, закутавшись в белое, не слыша. Не в листьях, не на жизнь, не до смерти, за просветы, залито солнцем; пробегая ночью по сучьям, доищуся до следов и слез. Кому же ты достанешься, беленькая, ни когтей, ни клюва, без сил и волоча крыло, отыскать в сырости под деревом сухую дыру, один, уберусь, пока не убили. Не по силам, вынесем, поспешим, вырастем. Отплачу когтями, разыщу в листьях.

Не догнать вовеки. Добиваясь не добыюсь, не увижу. Кто же тебя так полюбит? Кто же мне тебя заменит, не бледнее перед первой, привычной? Будь он проклят».

Клюнув носом в пол, совенок шепчет: «А я убегу».

Он дополз до двери и взглянул, выворачивая с болью шею, наверх на играющих, упершихся плечами в стены, а головами в потолок, и когда они нагнулись над банком, проковылял мимо, спрятался за плевательницу и ждет, когда откроют двери из тамбура на площадку.

В это время, хлопаясь о косяки, шатаясь от сна, в уборную проходит Таня. Скоро за ней из глубины вагона, спотыкаясь, бежит старик с бородой и пробует дверь – закрыто. Пока Таня осторожно поднимает платье и опускает рейтузы, вздрагивая от холодных пальцев, карабкается на стульчак и садится на корточки, держась одной рукой напряженными пальцами за наличник матового окошка, и с отвращением, нагнув шею, глядит на разлитую на цементном полу дрожащую воду, старик переминается с ноги на ногу и в нетерпении постукивает ручкой. Таня мучится тряской, чуть не падает, пальцы цепляются за косяк, она слышит стук, и это совершенно мешает ей. Наконец старик соображает выйти на площадку. За ним успевает проскочить совенок. Старик открывает наружную дверь вагона и опускается, держась одной рукой за поручень, на ступеньку.

Приблизившегося совенка охватывает вихрь. Старик бережно старается направить струю по ветру; рвет на капли, бросает вверх и вниз, то в сторону, то прямо в мчащийся синий бок, то в стекла веером, то на самого старика. «Нехорошо мочиться в бурю».

Ветер прибил совенка к стене. Страшно прыгнуть с больным крылом. Замерзший старик выплевывает бороду изо рта, поднялся, захлопнул дверь и так торопился спать, что совенок не успел обратно в теплый тамбур и остался один.

Хорошо различая через стекло дверей небо, за железными боками он не видит – пролетающие овраги, суживающиеся вверх в огромные долины, покрытые лесом, а справа, за стеной дождя, поднявшееся высоко, шумящее море.

Капли крови то здесь, то там в хрупких сосудах замерзают. Из каких-то щелей, из-под дверей, из окон проносятся вихри, раздувая перья до кожи, проникающие в тело.

Полчаса совенок леденеет в тамбуре, все ниже никнет головой, сжимается, покрывается крылом. На остановке его находит проводник едва живым и, опустив фонарь, несет к себе, кладет на столик и сам ложится на скамью на полосатое бумажное одеяло; поглядывает на мешки огурцов и на совенка и бормочет: «Привезем жене и дочкам».

Лидочка проснулась, трясаясь на полке, свалилось одеяло; восемь часов, сестра храпит сверху. «Разбудить ее?» – только мычит, быстро открывает глаза и с ворчанием поворачивается спиной.

В уборной холодно, и железо и дерево мокрые. Вода из грязного выгнутого крана долго стекает каплями на красные зазябшие руки. Лидочка трет лицо перед зеркалом, нос покраснел; от дорожной грязи на лбу, под губой справа и на щеке – три белых прыща. Бледное лицо выглядит плохо. Губы побелели. Дороги четыре дня, еще впереди шесть. Бока болят на жесткой скамье. Вокруг утомительно возникают незнакомые места. И Лидочка пробует мечтать, уговаривает себя заснуть – на шесть дней дороги, не ощущая ее, чтоб проснуться дома. «В постели у окна над чистым полом, у стола в клеенчатой скатерти, голубой, под низеньким потолком; за зеленой ширмой. Двигать голыми ногами под одеялом, свободно ворочаться и вытягиваться на спине».

Нет ни постели, ни дома. Лидочка томится без дела. В девять часов проводник приносит совенка, но тот сидит неподвижно, едва живой, при толчках качается, у клюва выступила какая-то жидкость. Молоко он не глотает, оно стекает по перьям. Мякиш белого хлеба в молоке вываливается изо рта.

Вечером на мокрой платформе толпятся крестьяне с раскрытым тряпьем. В нем шишки. Голодные рты открыты, на губах висит шелуха кедровых орехов. У окон вагонов

дети просят корки хлеба, тощие руки берутся за железные поручни. Двери закрываются всюду – даже во втором вагоне, далеко от станции. Проводник спрыгивает с мешком и бежит к толпе у кое-где открытых окон, лихорадочно рвущей объедки из рук и отдающей шишки. Он захватил два десятка огурцов, что были сверх мешков – «в дороге можно продержаться», – и выменял на них две сотни шишек. Поезд трогается, быстрее, толпа бежит то там, то здесь за окном; те, что половчее, съедают корки, а старики на земле ковыряют шишки.

Высыпав орехи в лубяную корзинку обрадовать дочек, проводник отбирает поплотнее десять штук и несет их Лидочке. Она сидит мрачная, нахмурясь, от нечего делать беспокоясь о прыщах. Проводник ей показал орехи и предлагает за совенка: «Видно, он скоро подохнет и пойдет на чучело дочкам». «Отдавать его жаль. Но в ожидании приезда, с каждым днем нетерпеливей перед радостью, все, что составляет настоящее, кажется противным, если требует забот. Не надо всего, только бы быть дома. Чтоб очиститься от окружающего и перенестись; быстрее, вперед, на несколько дней». Лидочка забирает орехи и отдает совенка. Она уже принялась за них и не отрывается.

Совенок сидит с пеной у клюва не на ногах, а на заду в углу, тараща глаза. Проводник забирает его одной желтой рукой и уносит к себе. Пугая в мыслях детей, он протягивает глазастое чучело с желтыми пуговицами, с расправленными крыльями на зеленом пеньке. «Будет из тебя чучело что надо», – говорит он совенку. В теплом служебном на столике у окна тот отходит понемножку от холода и оживает, но, ослепленный светом, сидит неподвижно в ужасе. Проводник обхватывает его ногу, твердую, собранную в желтые морщины кожу, веревочкой: «Ни на шаг», – тянет, заставляет падать клювом в дерево столика, чтоб привязать к кронштейну.

«Через пять дней начнется чучело – какое слово! Как же? Головой об стену? Трясущуюся...» – а лес так близко, вечерний, за окном; все открыто далеко вглубь срывающимися неровностями, и мелкий ельник скачет за дождем под насыпью. Остановка. Все сметено снова, пошло мелькать – «...или, может, душат веревкой, сняв с ноги, или перерезают шею перочинным ножиком».

Вот взрезанные банки консервов. Совенок со страху взлетает вверх одним крылом. Проводник хватает его неловко за большое, он рванулся из рук. Нечаянно вывих вправляется. Он падает пластом на столик. Проводник подбирает конец веревки привязать, разглядывает своими белыми глазами, но медлит, так как, видно, птица издыхает, держа оба крыла раскрытыми.

Внезапно от вагона к вагону пробегает толчок, останавливаются в темноте; проходят проводники; этот тоже выскочил за дверь. В купе говорят. Вздуроражен весь сонный вагон. С ропотом паровоз толкает состав назад и пятится с версту. Проводника нет.

Полверсты от красного огня – песок под рельсами размыт, глубокие колодцы дождевой воды между шпал, кое-где они висят над землей. Дождь смывает землю с травой ползущими ручьями, уносит с насыпи песок на прибрежные камни; поднявшаяся вода подтачивает насыпь снизу, и вот, оползая, заваливая кучами мокрой земли с пластами травы и кусками кварца, она ложится в воду, с торчащими, разъединенными рельсами, с частоколом шпал, а дальше их линия висит, прогнувшись, качаясь в воздухе на двадцать метров, – легкий мост над глубокой дырой, над летящей кружась из оврага водой; через остатки глины и камня, врываясь в замутненное море.

По десять человек на подножках в вагон и из него, разбегаясь и снова к поезду, толкуются, спрашивая, отвечая вопросами. Окна светят через разбитые ливнем кусты, через полный водой овраг с торчащими из чернот желтыми глыбами камня, на отвесный бок горы. Немногие убегают, сторонясь обрыва справа на сто метров вниз, шириной до горизонта за темнотой, бегут к голове поезда, дальше по освещенным шпалам, оглядываясь назад, ища красного огня. Не добежав до потока версту, они останавливаются и на свет за пово-

ртом бросаются назад сразу же во весь дух, задыхаясь, когда огни сверкнули из-за ребра горы, не веря проводникам о долгой стоянке. Им кажется, что поезд пятится. Отставшие падают, поскользнувшись на шпалах, и кричат: «Подождите!» Они наконец добегают. Проводники исчезли как один. С фонарем появляется внезапно какой-нибудь, отвечает: «Стоим по обвалу», – и уходит.

Под окнами загорается дождь. Люди возвращаются, разнося грязь, и разделяются на кучки. А очнувшийся совенок, поводя нечаянно вправленным крылом, срывается со столба и забивается под скамью. Проводник проходит перед ним сапогами и садится усталый, обтирая рукавом и рыжую щетину на щеках, и красные морщины на шее, от него пахнет дождем и потом. Через полуоткрытую дверь видно – пробегают поглядеть Петька и Лидочка, закутанная в макинтош, в туфлях на босу ногу. Петькины голые ноги светятся в темноте. Когда хлопнула дверь в тамбур, совенок выскочил из-под скамейки и вприпрыжку пролетает в темную отверстую дыру, а в тамбуре открывается наружная; между Лидочкой и Петькой он бросается под дождь; не выдержав силы его, от боли падает у края оврага в траву, ползет с полметра в открытой темноте и снова летит через воду до ската горы и вверх за стволы, не оглядываясь, сколько хватает сил, до какой-то еловой поляны, зарывается в лиственную труху под выступом белого кварца и краем глаза видит далеко вправо неподвижное зарево стоящего поезда. Опускает голову клювом в мох и, поджимая лапы от воды, лежит, бессонно плача.

VII. Табор

Молитва:

«Господи, помоги, дай нам сегодня хлеба, или редиски, или мяса, лучше бы мяса. Не дождя, а теплой пыли. Боже, не суди нас страшно. Найти в стороне, помилуй, откопать в земле, вырвать из рук.

Винимся в грехах, отпусти нам, – пустая слюна не дает сказать, уверуем без страха – не по прошлым винам.

За зло накажи сухим годом, растяни руки работой, задуши в дыму, спали огнем – потом, не сейчас, позднее; смилуйся, после, со временем, погодя; накорми хлебом; покажи под конец, когда придет время; дай сегодня есть, нету сил, Господи, или мясом».

Рябая курица днем на веревке клюет червяка из мокрой земли. Ее стерегут босые дети под косыми жердями с соломой поверх наваленной хвои. Сестра говорит брату:

– Ваня, уже поздно, скоро ночь и утро; может, зарежут завтра?

– Крылышка захотела?

Ей голодно, стало темно в углу на коленях; лапка во рту из жирных рук, на зубах мясо, обжигая щеки. Она очнулась от капель и говорит:

– Я возьму сама.

Она тянет курицу веревкой, осторожно, чтоб, стерва, не взлетела, сжимает ее руками. Ваня говорит:

– Я сложил хворост под крышей в землянке у столба, там нет воды. Неси ее туды.

Она поднимается с ношей:

– А вдруг огонь увидят? Знаешь что, беги за углем, говори, что залило. Собери отовсюду понемногу на железный поднос.

Брат надевает сапоги в углу:

– Тише, не разбуди. Завтра идут на сусликов.

Сестра прижимает курицу к груди. Та, сперва податливая во сне, начинает тревожно шевелиться. Она стискивает крепче, со страхом и злобой на беспокойную птицу. Курица мешает ей, старается выскользнуть, выбиваясь крыльями. Она готова раздавить ее и, пока та

не закудахтала, торопясь выходит из-за досок, обходит спящих на цыпочках и бежит, скользя на мокрых лысинах глины, к землянке, уцелевшей от старого лагеря.

Над лесом летит сова. Она следит сверху за девочкой. Та зазбла. В темноте под тонким платьем у нее посинела кожа. Она бежит быстрее и спускается в землянку. Сова слетает в траву и только хочет проползти за ней, как появляется брат, обходя кусты ельника с подносом, полным горящих углей. И брат, и сестра нагнулись к огню и греются. Тепло опалило кожу. Сестра говорит:

– Я ее буду держать, а ты прируби, или резать будешь? А потом я почищу.

Он старается уложить голову на камень. Сестра сжимает лапы. В темную дырку обвалившейся крыши заглядывает сова, а курица рвется, вертит головой, но сестра маленькими руками крепко держит ноги.

«Вот какой представился случай. Дать ей полакомиться? Но, поевши, они свернутся и заснут. Но что здесь найдешь – а внезапно из лесу, веселясь, нырну, вырвав, не обворую с собой, оставлю с ней. Следует разбор на тонкую грудь, а будет здоровая баба и околичности – надо торопиться, чтоб успеть дотащить кого-нибудь в эту ночь до рельс. Вон их! Я видел ее у шалаша, того, что между кривой, раздвоенной вилами сосной и перед землянкой с остатками трубы из четырех досок, с двускатным навесом от дождя». И сова улетела. Она летит к шалашу и, раздвинув когтями и клювом хвою, вдруг поднимает тревогу; царапает солому, гукает, стонет и с шумом бьется крыльями.

Спящие в шалаше просыпаются. Мать натывается на узлы, на самовар, ищет курицу и видит, что ни ее, ни детей нет. Она выбегает на шум. Сова тяжело подымается и летит в темноте. Женщина с криком за ней. Уморившиеся на сборах шишек соседи машут рукой и засыпают.

Сова падает в траву недалеко. В надежде отнять курицу женщина подбегает, но сова взлетает с трудом и, падая и поднимаясь, опять уводит ее к землянке.

Поднос подставлен под куриную голову, чтоб было тверже, угли сгребли к другому концу. Тут дети вспомнили, что не захватили ножа и курицу нечем резать; забыли топор; нет острого железа – ни скобы, ни крюка. Только битые стекла валяются, затоптанные в землю. Брат говорит:

– Я убью ее камнем.

Он идет за ним, но все малы. Наконец он приносит с кулак и бьет им по куриной шее.

Поднялся шум, хлопанье крыльями и хлопанье. Сестра вырывает камень и пробует сама, но курица бьется и кидается; удачный удар ломает шею, она вырывается еще сильнее, не видя мутными глазами. Таня держит одной рукой обе ее ноги, растерянный брат отгребает в сторону угли, прыгающие, задетые крыльями, а Таня бьет сильнее, покрасневши от злости, по голове, выбивает у курицы левый глаз и ломает клюв. В землянке не прерывается крик. Наконец ей удается расквасить голову совершенно.

Разделенные мозги выдавливаются на поднос, кровь обрызгала Танины руки. Пока она вытирает их об мокрую траву у входа в землянку и высушивает над жаром, курица перестает водить ногами и, как приклеенная сплюсненной головой к камню, застывает. Уголья потускнели.

Таня, торопясь, начинает ее ощипывать, а брат разводит огонь. Он вытаскивает из вязанки три жерди, ставит, связав вершинами, скрепляет разорванными сырыми сосновыми ветками и, пока сестра ощипывает, разводит под ними огонь, нагибаясь и раздувая, вспыхивая лицом, и вешает полный котелок. На ветках проступает клей, вялое куриное тело на черном листе розовеет, огонь разгорелся. Сестра ошмаливает, наполняя землянку запахом горелых перьев, и кое-как осколком стекла потрошит, чистит и опускает в воду. Черная печень выскальзывает из собранной в лодочку руки, она бережно обмывает ее. Оба наклоняются над едой, ежеминутно пробуя пальцем в горячей воде. Они погружены в ожидание. Посте-

пенно возносится запах. У Тани слабеют ноги, ей плохо. Она опирается руками об одну из трех жердей и склоняет веснушчатое лицо с маленьким носом над огнем. У нее загорелся нечесаный кончик косы. Брат его тушит:

– Ты чего в котелок полезла?

Она откидывается на его руки спиной, прислонившись головой к его ногам. В это время сова исчезает во тьме у самого входа, и мать, на огонь в пустой землянке, почуяв пищу, подходит к отверстию и видит детей. Ослабевшая Таня, открыв глаза на мгновение, видит длинную фигуру матери, нагнувшуюся во входе, и в страхе хватается за жерди и котелок и переворачивает их, разбрасывая огонь. Она кричит, обжегшись. Мать сбегает вниз к котелку, а брат вскочил и топчет ногами костер, затаптывает расползающийся огонь, отбрасывая перевернувшийся котелок с курицей, прыгая по горящим веткам сапогами, потеряв голову. Разбитый костер притухает. Мать идет в наступившей темноте, нагнувшись к поднимающейся дочке.

Во входе ползет сова. Она хватается горячую курицу, отлетает с ней и садится на пороге землянки, над полуобвалившимися ступеньками, держа в загнутых когтях, и косится от огоньков на фигуры в глубине. Мать оставляет Таню. Брат бросился было к сове, но остановился, испуганный. Мать подскакивает к ней, но она, зажавши крепко ошипанное белое тело, отлетает на двадцать шагов и, как раньше, падает.

Тогда и мать, и дети – Таня впереди всех, крича на сову, чтоб она уронила курицу, – пускаются за ней. Во тьме им белеет куриное тело. Брат ищет палку, но боится вернуться, чтоб не отстать и не упустить своего куска. Все трое бегут, перепрыгивая через светлеющие лужи к оживающему востоку. Сова подпускает их близко, как будто ослабевая; но когда они вот-вот хватают куриную лапу, она с трудом срывается и летит все прямо и прямо. На минуту она растерялась и закружилась – Таня падает на колени и ложится всем телом на землю. Мать, отчаявшаяся, готова уже остаться, но Таня, пробужденная мыслью о курице, догоняет, опять бежит, но скоро садится под горой на белый камень. Она уже не может бежать, а мать и сын по-прежнему гонятся. Сова торопится, так как рассветает, и только разок оглядывается на оставшуюся Таню.

Встречный дождь оббивает перья, все, что налетает, выносит вверх, но невольная грусть с рассветом сжимает любую душу. Сова бормочет: «В эту ночь на станции я следил за двумя стариками-бурятами. Один был похож на меня – круглолицый, с острым носом, в красной высокой шапке. Другой вырывал у него мешок; там, может быть, вещи? Оба, разрывая пальцы, стали раскрывать, вцепились; не раскрыв, подрались – я гляжу и вижу, как оба падают, встает один – а может, там была пища? Жалеть об этом смешно, зато теперь мне больно». Сова продолжает тихо: «Она умрет. Я бросил бы ей кусок из нежных побуждений – нарастить на бедрах мяса, отпустить в садок на лёске. Когда я был чучелом, я видел: в живо-рыбный садок, в которых я знаток, такая птица должна понимать в рыбах, вы спросите, что это за птица, с берега сходни, а на воде поплавок, такой садок на Фонтанке у Щукина рынка – в мутной воде за решеткой набито разной рыбы с черными спинками. Она уходит вниз, и спины тускнеют, а белых боков не видно вовсе. Вы вылавливаете любую. Вот. Поддай, друг, упакуй этого карпа. А это что? – Сазан. На постном масле. И кухарочки на кухне издают не этот постный запах, а скорее скоромный, нескромный. Когда выбирается рыба, если полагают для услуг, то зоркий глаз определяет пригодность. Так и здесь: маленький нос и веснушки. Правда, бледность и желтизна. Зато – новизна. Здесь лучше, здесь интереснее. Эти мокрые кусты, эта пустая темнота и вдруг – находка. Так идут по грибы. Маринованные белые под осенним снегом... И вечерний свет в чужом окне... Найдка в листьях. Вырвать отсюда и унести. Это прекрасно. Я взволнован». И сова улетает дальше. О, эти счета с Богом – всего не унести. Вдохнувши в светлеющую темноту, наполнив выплупленные глаза чуть ли не слезой, сова отрывается и шепчет: «Надо торопиться, но я вернусь».

VIII. Станция

Перед рассветом поезд движется еще назад две версты до станции; по коридорам насквозь прошли проводники и объявили обвал, о дождях, задерживаясь на испуганные расспросы; пассажиров высаживают. Звон, когда вагон ударяет о вагон, рывок – и пассажир пробужден, а кажется, что спал секунду. Не очнувшиеся от сна пересчитывают вещи, в смутении вытаскивают под дождь на крупный песок, скрипящий под шагами, спотыкаясь через рельсы, огибая вагоны, к светящимся окнам станции. Оттуда дунуло привычной клозетной вонью, краской и рогожей. Кое-кто бежит ругаться в голову поезда; расспрашивают машиниста и неподвижных проводников. По концам вагонов происходит шепот с проводниками. Они обещают. Кто-то задерживает вещи в поезде, не понимая, – проводники объясняют; следуют расспросы о месте. Счастливы топчутся у вагонов, боясь уходить. Женщины сидят на перроне и стерегут корзинки, перехваченные веревками в узлах. Молодые бегут за кипятком с привычной быстротой. Большинство проникает в освещенный заплесанный зал со спертым запахом колбасы с чесноком и массой комканой бумаги по углам и устраивается досыпать остаток ночи.

К сидящим на перроне сходятся голодные. Отовсюду поднимаясь от стен багажного склада, у палисадника с земли под елками, из-под навеса над кранами для кипятка; разбуженные гревшиеся в самом помещении кипятильника, между печками, обмазанными глиной с вделанными в них кубами, поднимаясь с примятых полушубков, подвязанных сыромятными ремнями или скрученными тряпками, поддерживающими за пазухами кедровые шишки, голодные сходятся отовсюду и медленным шагом переходят от одной группы пассажиров к другой. Простаивают перед каждой полминуты и просят хлеба.

Кого-то из голодных проводники расспрашивают о деревне. «Дома разбиты, вещей нет, все добро забрали солдаты. Соленый сыр, лук, муку, солонину, рыбу и скот – все подчистую. Там еще проходят части, грузятся на барки и уплывают. А сети потопили – за то, что мужики убили двоих».

Проводники с фонарями спешат в конец станции узнать о дрезинах, разыскали и собрали из частей за спирт и сухари в ремонтной мастерской еще одну. Дело устраивается просто: «Не возвращаться, а пять проводников и семь пассажиров да вещи на три дрезины». «Это по четыре человека, не много». Даже решают прихватить еще, кроме троих сторожей, которые должны доставить дрезины обратно. Двое отлучаются к пассажирам и собирают с испуганных на уговоры станционных хозяев. Скоро рассвет. До следующей ночи вещи пролежат в багажном. Общими усилиями сносят туда, втаскивают на тележках по отлогому трапу и запирают. Там из черных дырок в дощатом полу выползают худые крысы и окружают корзинки. Проводники, пока не рассвело, отправляются за двумя дрезинами на разъезд за три версты до обвала.

Когда дрезины в утренней тишине пробегают по мертвой насыпи, приближающийся грохот будит сову, ночующую в корнях четырехствольной березы. Она выползает. Проводники сговариваются и спорят. Сова пролетает низко над ними, провожает их, делает круг и заползает снова под корни. Ночью поезд уходит назад на восток с открытыми окнами, со сквозняками в вагонах. Несколько оставшихся проводников трясутся на своих скамьях. Пассажиры поднимаются с перрона и тащат вещи. Они заполнили зал.

Лидочка с Верой мерзнут у высокой печки под одним из окон. Начинается серый рассвет за рядом товарных вагонов. Некоторые открыты и устланы соломой. Через двери насквозь видно поле и взлетающие тропинки. Сестры борются со сном и клюют носом. Петька, в оцепенении сидя на чемодане, заложив руку за борт тужурки, охваченный сонли-

востью, другую держит в кармане, сговаривается с соседом по вагону о подводе до разбитого Танхоя, где, говорят, берут на баржи, можно устроиться и морем добраться до Узловой.

На станции становится тише. Последнее шарканье шагов голодных на перроне кончилось. Звук ушедшего поезда замолк в лесу. Пассажиры тянутся, спускаются, кладут головы на корзинки, женщины на колени, дети вытягивают руки и ищут головами место помягче в примятых узлах. Кое-кто храпит. Падает крышка чайника. Веки сестер стягиваются, они склоняются друг к другу. Лидочка, сложив руки на груди, уткнулась головой в колени сестре, а та нагибается к ней и валится направо в угол к печке, сидя на связанных в пледе подушках, так что колени торчат до головы.

Проводники в служебной, пахнущей масляной краской, при электрической лампочке закусывают огурцами – разрезают надвое, запершись, посыпают солью, складывают и хрустят, молча озираясь на дверной крючок. Двое молодых сидят на полу, опершись о балясник, отделяющий телеграф от кассы, свесив жирные, металлически блестящие под лампой головы.

Кто занял скамьи – уже спит, подобрав ноги. За дверьми в коридоре, между служебной и залом, постукивая через полчаса в закрытое окошечко билетной кассы, стоят трое с помятыми лицами – из тех, что условились о выезде. Еще двое беспокойно, борясь с сонливостью, ходят взад и вперед, натыкаясь на площадку десятичных весов. А в глубине коридора у закрытой двери вповалку спят голодные. Под утро поднимается один и цедит из крана бака для питья воду кривой и тонкой струей в жестяную кружку. Вода течет у него по подбородку, он не выпивает и четверти и бросает кружку качаться на цепочке. Вода выливается на пол. Он идет к двери, но, не дойдя до окошка билетной кассы, валится на пол, прислоняется к стенке, отбрасывает голову назад и вытягивает ноги. Пассажиры нагибаются, трогают его за плечо. Один из них с силой стучит в окошечко, часто барабанит не прерывая. Три минуты, все сильнее и кулаками и ладонями, пока заслонку не отодвигают. Высунувший голову проводник, сжимая и широко раскрывая веки в песке, узнает своих, а тот торопится спросить о дрезинах, заискивая, долго ли через обвал, удостовериться в спасении. В оправдание он показывает вниз на голодного. Тот сидит, качаясь, под ногами столпившихся, наваливаясь на спину первого из пассажиров, тянущихся к окошку, переспрашивая время. Проводник отвечает всем, что поедут, как стемнеет сегодня, подозрительно оглядывая темный коридор. Пассажиры, шатаясь, отходят, тихо говоря об отъезде, забыв о лежащем у стены. Он неподвижен, рот у него открыт, руки, сложенные на животе, сцеплены пальцами с выдающимися суставами. Голова склонилась направо. Он спит, но глаза открыты и глядят на пассажирские ноги. Внезапно над ним отодвинулась заслонка и сверху падают в изобилии огуречная зеленая кожа, рыбы кости, кожура редиски, обломки каменного пирога с картошкой, золотая кожица колбасы и еще какая-то мелочь. Все свалилось ему на голову, на плечи, на колени, в руки. Они разжимаются, все тело переворачивается с быстротой и жалобным стоном, становится на колени, опираясь руками об пол и ползая, подбирает рукой то и дело в рот все, что попадает первым. Остальное тут же левой сгребается в кучку, защищенную нагнувшимся туловищем, и голодный, уткнувшись лицом в плитус стены, не оглядываясь, съедает торопливо все довольствие – все кучки, куски, объедки, что упало из уже закрытой кассы, выброшенное со стола вместе с газетой одним комом.

На стол взбирается проводник и, поджав колени к голове, подкладывает под нее руку, кулак ладонью вверх, и, передвигая голени, размещаясь помягче, засыпает.

Уже начинается движение. Сбитые с толку люди распаковывают пищу украдкой, с трудом двигаясь в общей тесноте. Многие вытаскивают узлы на перрон и идут искать уборную и воду. Большинство собирается в деревню за подводами до Вахмистрова. Петька и попутчик первыми, не пивши чаю, огибают врытые вагоны и уходят в гору. Из-за поваленных заборов на стук лают собаки, просовывая морды и кончики лап из-под ворот, пытаясь

заглянуть на улицу. Дождь косит бревна стен, напиткивает зеленые лишай, каплями дрожит на ржавых болтах затворов, висящих вниз от наличников. Они заглядывают в темные окна, машут руками, зовут, стучат в калитки. Калитки скрипят, открывают щели, но всюду подвод нет. Изнутри задвигаются деревянные засовы.

Попутчик и Петька, лоснящийся тужуркой, идут через гору до кладбища. Сквозь частый дождь мелькают белые столбики, плиты плашмя и стоя; между ними собираются маленькие лужи, отражая темные знаки. Низкие стены упираются в длинный бревенчатый сарай с крохотными окнами. Под ними широкие ворота, дальше крыльцо в десять ступенек, маленькая дверь, рядом под навесом три бочки, лоханка, два ведра с золой, три кастрюли вверх днищами; под крышей на веревке тряпки, сбруя, сваленная у стены. Кнут стоит у самой двери с оборванным войлоком. От навеса качается тонкая бечевка с привязанной тряпкой – видно, для котенка. Два дырявых мешка затыкают щель между дверью и порогом. Это дом кладбищенского сторожа и извозчика. Тут находят лошадей.

После долгих уговоров улаиваются завтра рано: «На ночь трудно, развезло дорогу». Хозяева, старик с сыном, берутся везти до деревни, так как может совсем затопить и надолго нельзя отлучаться, а в деревне легко достать лошадей дальше.

К вечеру, потратив день на поиски и едва поев, Петька возвращается на станцию. Соскучившаяся Лидочка бросается за пищей. Но он ничего не успел захватить. Доедают то, что осталось от консервов. Вера засыпает, рядом с ней дремлет Лидочка, а Петька от голода и беспокойства долго не может заснуть.

IX. Дорога

Только настала ночь, проводники открывают магазин – выносят к дрезинам вещи, которые не успели провонять смазочным маслом, тавотом, какой-то рогожей, и грузят, понукая пассажиров. Издали, сидя вдоль темных стен, на них поднялись головы некоторых голодных. Через любое масло запах муки из мешков вынюхивают – проникает в желудки. Они поджигают животы, передвигаются, всматриваясь, но скоро одна за другой громоздкие дрезины, освещенные фонарями, с вещами, проводниками и пассажирами, хватающимися руками, убегают по рельсам.

Голодные засыпают, другие бродят, ища глазами по земле платформы: «Вдруг что-нибудь!..» Кое-кто пробирается в вонючий кипятильник. Там спят на спине, головой вниз, тяжело дыша, но зато тепло. Пришедшие устраиваются в углах за баками обогреться и долго слышат, поднимаясь на локтях, как ночью гремят колесами дрезины, унося запятанную в чемоданы, мешки и узлы пищу. Дрожащие на досках ящики раскрываются, бегущие ноги доносят жадные руки, и они уцепились за крышки. Дрезины останавливаются. Толпа окружает поодиночке лакомые вещи, и голодные шепчутся сквозь храп.

В это время в дверях манит рукой веснушчатый, наевшийся объедков Холодай. Кажется, он подкрепился... Он божится догнать, заботится поднять тех, которые посильней. Повсюду, снизу, прислушиваясь, встают, других будят. Набралась живая куча. Он передает, что говорил проводник из окошка о том, что через воду перетягивать на руках до утра – и вот по шпалам, мелкими шагами, молча вышли голодные, и за ними, догоняя первых бегом, незаметно в темноте, оставшиеся поднимаются, отстающие томятся ревнивой завистью, и мокрыми рваными ногами каждый торопится оставить за спиной едоков. Последним бежит худой старик с опущенными веками, ощупывая шпалы длинной палкой. Только первые потянулись в темноте – с робостью остановились, вслушались в шум шагов, побежали к оставшим, первые опять заторопились, голоса за спиной ободряли, не теряя их, стремятся от них. А дрезины далеко, добегают до обвала.

Мимо лиц мелькают тени столпившихся деревьев, ветер с легким дождем прохватывает их, люди кивают, засыпая в такт движущимся рукам, фонари секут мелькающие шпалы. Дрезины работают, разожглись... Часам к шести утра, считая версты, дрезины постукивают реже. Скоро в серых потемках мерещится провал, все видят глубокий овраг, пересекающий насыпь; на дне его шумит мутная вода, перебивая друг через друга камни. Рельсы над ней провисли, качаясь на шпалах. Проводники столпились у края обрыва глубиной в пятнадцать метров. Пассажиры заглядывают через их плечи, подавая советы, потом корзины сдвигают, натужась, с дрезин, стаскивают на руках вниз к самой воде в мокрую траву, на мокрые камни, их обдаёт брызгами. «Ох, эта серая ночь!..» Поднимаются за ними много раз, тяжело карабкаясь, скользя.

В это время наверху со склона горы слева от насыпи сорвалась сова с ошипанной курицей в когтях. Сова, улетающая вверх, разжимает когти и отпускает вареную добычу. За упавшей на край горы курицей бросаются две фигуры, нагибаются в траву и сидят в ней, согнувшись над пищей, отрывая лапы. Сова исчезла над лесом. Женщина и сын обедают кости, разжевывают их и смотрят вниз, замечают людей и дрезины. Мать запрятала кусок мяса на плоской кости к себе за пазуху. Она подходит к самому обрыву над насыпью и разглядывает людей – их пятнадцать. Одни спускаются измерить глубину потока, другие пилят сосну у воды. Кто-то отдыхает у вещей, снявши с дрезин последние. Молодой проводник, озорничая, ползет по висящим в воздухе шпалам. Ему кричат и машут руками, чтоб он не трепался, а шел пилить. Женщина сверху рассматривает насыпь, дрезины, овраг и кучу узлов, чемоданов, корзин и мешков и несущуюся воду. Она свесила вниз любопытствующее лицо, желтое как из глины, с острым носом. Рядом с ней ее сын высовывается над откосом. Она его тянет назад и, быстро шагая то в гору, то вниз, бегом с холма, уходит через лес, через густую траву; за ней бежит мальчик. Сестра не приходила в табор. Мужики ушли за шишками. Табор пустует. Женщины сторожат трех лошадей, пережевывающих желтыми зубами полную воды траву.

Кладбищенский сторож с утра наполняет телегу сеном. Лидочка тащит чайник и узелок с остатками консервов, кутаясь в макинтош, а сестра – портплед с подушками; мужчины складывают вещи. Хозяева сидят впереди. Правит кривой сын старика. Петька и попутчик на задке, а сестры в середине. У Лидочки слипаются глаза, кончики рукавов промокли, макинтош защищает от дождя, но чулки прилипают к ногам. Пальцам холодно, они побелели в туфлях. Телега бросает, удары отдаются в бок. Это длится час, они катятся вниз. Лидочка засыпает. Ее разбудил ливень и голод. Брезент, накинутый им на головы, промок и провис; лицо и волосы мокры, губы озябли. В страхе холодных прикосновений трудно заставить себя двинуться, чтоб отодвинуть острый угол корзины, режущий ногу. Мужчины сдвинулись плечами. Телега все скачет, мокрые руки напрасно хватаются за края. Все старания устроиться удобно напрасны. «Хоть кусочек бы мяса. Кажется, болит сердце». Капли грязи запятнали руки. Внутренности дрожат от тряски. В желудке у Лидочки бурчит, и сердце рвется. Сестра доедает рядом остатки орехов на ее долю: «За суетой не запаслись пищей, но скоро должна быть деревня. Там сало. За этой горой». Передвигаясь под косым дождем то на правый, то на левый бок, привставая на коленях, с напряжением вытягиваясь, несмотря на холод, стараясь не дышать, чтоб не так больно, Лидочка сжимает руки и стискивает зубы. Терпеть все труднее, она побледнела: дурно. Телега взобралась на гребень холма к самому небу. Она переваливает вниз, и люди видят вместо деревни далеко вокруг несущийся разлив и несколько обвалившихся черных крыш, торчащих из воды.

Кривой натягивает вожжи, останавливает. Мужчины вылезают и глядят. Лидочка переводит дух и дышит, раскрывши рот, зажимая бок рукой.

Из-под ног им слышны крики. Это с деревьев сыпятся шишки. Не расслышать, что кричат, не видно людей, мужики трясут ногами ветки, сидя в хвое, другие подбирают. Под лесом едва видны шалаши – это табор. Три лошади пасутся между редких сосен.

Река залила дорогу, приходится гнать через сопку. Мужчины сели: «Это недолго – три версты; там же дорога к морю». Снова в бок садится нож. Платье поднято, тихонько раздвинуто, материя растянута по белой коже, и нож до ручки с каждым толчком движется в бок, каждое движение натывает на лезвие новые части мяса. Он внутри перерезает жилы. Лидочка стонет и просит остановить, подождать. Она слезает с телеги и идет за ней, спотыкаясь на камнях, по лужам, через корни.

В это время доехали до верха сопки. Лидочка садится на корень за разветвлением дороги. Подвода стала. Старик говорит, что отсюда направо дорога к морю: «До табора – налево – две версты, но не проехать – все размыто. Что положено, все исполнили сполна». Он с сыном принимается разворачивать телегу. Лошадь, пятясь, надвигает задок на Лидочку. Она встает с трудом и отходит назад, ступая по глубокой хвое. Петька приступает к старику ехать до табора: «Может, лошадей не достать, тогда на станцию обратно». Тот медлит; Кривой с молчаливым недовольством заносит задок, выправляет телегу: «Езды не долго, если можно проехать». Решают попробовать налегке.

Лидочка не может дальше. Под дождем остается у дерева. Мужчины не знают, как быть, боясь упустить неохотную готовность хозяев. Тут сверху замечают торчащий столб и красный дрожащий флюгер. Никто не знает, что там под столбом уцелел навес. Возчики торопят: нужно стащить вещи – большая грязь. Их складывают под навесом и, найдя сухие ветки, разводят костер. Сидят, запах завораживает сестер. Вера остается с Лидочкой.

«Мы скоро будем». Телега спускается вниз и, въехав в глубокую грязь, исчезает за стволами. Минув колесами выбоины, она кружит по дороге, но скоро доезжают до табора. Там никого нет. Пять худых женщин встречают и говорят, что мужики скоро вернутся и доvezут куда нужно. Попутчик остается ждать, а Петька на телеге возвращается обратно.

Возчики на разветвление придерживают для расчета, слезают, крутят газетные обрывки и склеивают слюной козьи ножки. Петька торопится заплатить – «скорей наверх, к навесу». Телега тарахтит и пропадает быстро. Он бросается наверх, как будто бы уже все сделано и дальше дело пойдет. Он находит женщин у столба, дрожащих живых молодых женщин, а особенно девочку. Дождь прекратился, и как будто посветлело. Они сидели, терпеливо ожидая и прислушиваясь; ожившая Лидочка бежит за пищей. Петька заставляет кончить консервы, уверяет, что в таборе поел, роется в карманах, выколупывает из мусора два-три кедровых орешка и съедает. Подводы нет. В беспокойстве он решает пойти навстречу. Сестры ждут с нетерпением, его долго нет. Им становится беспокойно. Они боятся идти на поиски. Лидочка к вечеру расплакалась.

Настала ночь, а мужчин все нет. Дождь учащается. Пламя шипит по земле. Внезапно сестрам слышится шум сзади. Они оборачиваются с радостью, но вместо Петьки на освещенную землю вбегает черный щенок. Он отряхивается от дождя и глядит на них. От криков он не уходит, а устраивается рядом с Лидочкой и закрывает глаза. Сон клонит головы сестер. Дождь поредел. Костер задушил их дымом и мало греет, скорей опалает, но сухие одеяла их угрели, а угольки побелели на рассвете. Они засыпают обе.

Х. Драка

Вор у вора веревку украл

С длинных веток сыпятся хвоинки на железо рельс, на песок, пожелтевши. Быстрым шагом, нюхая шпалы, по насыпи бежит первый щенок. Остановившись, он трогает рельсу носом, слизывает капли дождя с выбоин шпал и опять торопится, вынюхивая за далеким поворотом пищу. Ели по бокам опускаются клином, насыпь взбегает вверх. В конце сквозь зелень белеет вода; над нею шумит ветер, к нему примешан грохот. Щенок одновременно

видит впереди мелькающих людей, проеденную водой насыпь и мост из висящих рельс. Он спускается направо, проваливается в залитую траву и, выпрыгивая на бок насыпи, прячась, чем ближе, тем старательней, за сухие кусты, добегают до людей. С той стороны перетаскивают дрезину через поток по колени, замерзши; вещи переправлены и сложены кучей на верху насыпи. Две дрезины на рельсах по эту сторону – одна еще там. У вещей никого.

«Наконец-то запах пищи». Здесь пахнет вот чем: зелеными огурцами – сквозь дождь; и солнце выглядывает коротко; соленым сыром – ломти крошатся на зубах, с ними язык ощущает жир колбасы; нестерпимый запах переворачивает желудок; глаза устремляются к пище. Щенок выходит открыто на бок насыпи и по траве наискосок избегает до корзинок. Обнимая одну обеими лапами, он просовывает нос под крышку в щель и зубами хочет оторвать, торопится, оставляет, перебегают от чайников к узлам, сбивая их с места под брезентом. Наконец, поосмотревшись, он приходит в себя и кидается за большую корзину, выглядывая огромными глазами, не заметили ли его. Но внизу все заняты дрезиной. По четырем стволам, через каменный хребет, торчащий разделяя поток, ее осторожно тащат до новых четырех стволов, упирающихся в этот берег, поддерживая толстыми палками. Часть людей в воде, другие ступают по стволам, избегая счищенных сучьев с проступившем клеем.

Щенок на животе отползает от корзинки и, просунув когти в тесный узел из двух концов платка, растягивает; погруженный в свою работу, он чувствует лапами банки консервов, твердые тела вяленых рыб и носом – грудинку; когти дырявят платок, нос роет тонкое белье и уткнулся в плетеную стенку. Внутренности узла ворошатся. Внезапно над ним, вокруг, отовсюду, руки вылезли, тянутся, корзинки сдвинулись, их поднимают – кричат в воздух бородатые люди. Они сгибаются и тащат, припадают от тяжести, шепчут хриплые слова, известные щенку по лагерю: «Давай эту... сухоребрую тащи... и другие тащи, ее мать...». Щенок упал с узла и отскочил из-под ног в сторону.

Снизу кричат все пятнадцать человек, и все пятнадцать, выскакивая из воды, оставив дрезину, балансируя на стволах шажками и добегают в три последних прыжка до берега, спешат, махая заранее руками, подбирая палки. Они оступаются и карабкаются, кричат: «Стой!»

Дальние фигурки, обняв вещи, бегут к повозке за деревьями по размытой дороге, в темноте под каменным склоном. Оставшиеся торопясь сыпят вещи под откос. Набегают запыхавшиеся проводники и сразу палками. Первый удар по ногам, за коленями, нагнувшегося валит мужика задом в хряснутую корзину. Руки выпускают веревку. Второй – по шее и по уху, оглушив, одновременно носком в колено, а третий – палкой по плечу. Неловкий мужик зажал ногу в сапоге выше колена. Проводник отбрыкнулся в зубы. Мужик не выпустил, рванул обеими руками, палка ударила концом в песок; и покатались с насыпи двое, срывая стебли; на ходу, хотя и под пятьдесят, но с широкой костью, вдавил проводнику ребро, внизу навалился и вмял глубоко в траву, выдавив покрывавшую воду, – она влилась в рот, так что после долгого крика только раз булькнуло, – и поднялся с колен один. Сверху еще падают, роя локтями землю, над ними танцуют, крутя палку, пока мужики со стороны не валят камнем по голове. Камнем вышло сильнее, чем палкой. Другого освободившийся проводник хватил за шею сзади и гнет назад; голодный, не сопротивляясь, пробует ногами бежать, руками рвется в сторону, но падает на спину; проводник ступил на ухо коленом и, навалившись, душит, вырывает из зубов лоскут шерсти; сверху свалился топор и пробил ему череп; он падает на хрипящего мужика, тот выползает, выплевывая песок, на коленях и тянет, хрустя зубами, за отступающие ноги. На тело садится второе. Отбежавший щенок визжит; случайный камень ударил рядом и прыгает дальше. Щенок припадает от желания скорей бежать – страшно и любопытно. Мужики отчаялись на помощь, но не выпускают вещи, из лесу бегут трое. Снизу уже взобрались; отставшие вмешиваются, наступая на топчущиеся ноги. Сверху по головам в прорванной рубахе на холоде камнем в крови бьет сухой старичок; в толчее, раздвигая опоры, падают два пассажира. Он оббегает вокруг толпы и, защищаясь руками, вытаскивает

из-под тела разорванный чемодан, залезает седой головой в сторонке, выбрасывает белье, тетради и копченую рыбу, роет рукой и быстро ест.

Пассажиры разделились, увидели себя каждый одним, оставляют вещи и бегут, натываясь. Раскрытые рты у самых глаз отрываются. Первый роняет узел под ноги второму, тот споткнулся в босую пятку, без глаз, повис на шее вскочившего старика, на скрученном пиджаке, на вытянутой руке; затрещали полы, сжал шею, под ушами борода задралась вверх, и кусок, зажатый в глотке, вылез в рот. Старик упал, обхватив пассажира, тот в ярости хрипит; освободившись, вскакивает и кидается на страх на мужика, подбирающего раскрытый чемодан. Перед ним четверо встающих из земли вверх по косоугору. Он замер на миг и затем вдруг прыгает с насыпи вперед, катится к воде, по ней, сбиваемый ею, на четвереньках, добирается до того берега, на насыпь, всползая с быстротой в траве, и, не зная как, встал, еще хрипя, не убегаая, а преследуя, через две шпалы несется в дождевой темноте, пока не падает. Без движения, руками в воде, головой между шпал, тяжело дыша. Вдруг впереди возникает топот, спешное движение многих людей, которые поторапливаются; поднимаются издали фигуры, он скатывается с насыпи, и толпа навстречу проносится, отставшие догоняют и одинокие ковыляют вслед.

Щенок находит на склоне насыпи колбасу, вылетевшую из узла; он откусывает кусок, пережевывает со ртом, полным слюной, захлебываясь, вонзая зубы глубоко в твердое мясо с пузырьками белого жира, чавкая, глотая большими глотками. Он тянется снова к ней. Его отбросил сапог. Мужики собирают вещи, чтобы перенести к телеге. Но там уже идет дележ, они оставляют тяжелые корзинки под откосом и бегут к лесу. Щенок за ними. Побитые лежат у колес. Кое-кто мочится на пораненные широкими ногтями проводников пальцы или разминает горло. У вещей сидят, отдыхая. Два узла развязаны, все собираются у пищи, делятся, не выпуская схваченного, и едят где были, опускаясь на корни, локтями опираясь о борт повозки, сидя на земле. Забытые раненые напоминают просьбами, другие водят в беспокойстве головой, одни добираются сами до своей доли. Лучшее приберегают для детей. Двое побитых пассажиров в траве издали стонут, остальные не слышны. Молодой в сапогах и бородатый старик из ящика проводника достают игральные карты, салфетку за пазуху, там уже мыло, скомканная рубаха – все, что удалось до дележа. На дне ящика зеленые огурцы и кедровые шишки для дочек. Пока трое поднимаются за оставленными корзинками, старик прикидывает молодому короля. Те пропадают долго. Наконец, усталые и мокрые, возвращаются без вещей. Искали вокруг по воде, не нашли, набрели на побитых и одного, рассерженные пропажей, потоптали. Оставшиеся не верят и идут искать сами. Старик на корточках, опершись о сосну, с молодым не отстают от карт, перекидываются и бьют, отрывая зубами куски копченой рыбы: «Еще хорошо эту воблу побить о ребро ящика, оклеенного внутри бумагой», – старик молодого учит, ободряет в неудачах и объясняет.

Карты разложены на крышке ящика, как это делали проводники. Они всматриваются в фигуры в сгустившихся дождевых сумерках и тычут пальцами, споря; молодой соглашается. Побитые ждут ушедших. Те разбрелись и шарят в высокой траве, засматривают за кусты и понемногу сходятся к месту драки. Корзинок действительно нет. На насыпи трое убитых; уходя, их прикрыли брезентом. Собравшийся дождь лужами провис в выемках между телами.

Дождь усилился. Обозленные мужики побродили по насыпи не оставить чего-нибудь, ничего не нашли и, не отдохнувши, спускаются скользко и вдруг увидели, что из воды, где переброшены стволы для дрезин, выходят люди. Бегом спускаясь с того берега, хватаясь друг за друга в потоке, человек тридцать, по бревнам качаясь, за ними еще отставшие, первые влезают на берег, со штанов и полушубков течет вода, и по холодной земле черными босыми ступнями бегут на мужиков.

Мужики глядят на них сверху в страхе, сбегают с насыпи, крича в лес, расплескивая воду, по лужам. На крик выходят ожидавшие.

Голодные поворачивают к лесу и за деревьями видят телегу. Мужики, торопясь, заносят задок и, оставив испуганных лежащих, уползающих в кусты выглядывая из-за деревьев, мечутся, стаскивая и бросая в телегу последние вещи. Под проливным дождем голодные припускают, собрав силы, на поляну, спотыкаясь в темноте, и, слева и справа окружая, бегут еще; разглядев вещи в руках у мужиков, подходят к ним, а те отступают, тащат под уздцы лошадь, креня телегу на вымоинах.

Вдруг свистнула брошенная палка, ударила в плечо и затылок мужика, свалила и прыгнула по уходящим ногам. Набежало двое голодных. За ними бросилась вся куча; они вырывают вещи за углы, корзины за веревки, тянут дерюгу мешков, рвут, по трое наваливаются на каждого мужика, окружают телегу и жадно облепляют, отстраняя руками испуганные лица сгрудившихся. Сидящий на вещах с вожжами отбивается, каблуками выбивает зубы и отталкивает руки, его тянут за ноги, стаскивают с телеги, сбрасывают корзины и разбивают их об землю, помогая ногами; отрывают крышки. Несколько мужиков продираются сквозь трещащий ельник. Голодные под дождем сносят пищу под сосны и с шумом собираются на еду. Телегу отводят на край поляны, чемоданы оставлены в ней. Вокруг никого не видно. Щенок подбегает к высоким колесам.

Вдруг из чащи справа, из-за молоденьких елок, вылетает серая сова и тихо садится на телегу. Она охватывает когтями ручку чемодана, как какой-нибудь дачник свой багаж, поднимается с ним вверх и улетает.

Под одной из сосен четверо голодных бросают на мокрую землю корзину боком, тянут замки, разорвали сломанные ушки, крышка отошла. Ее перевернули вверх дном и вытряхивают из нее белье, железную коробку с зубным порошком, эмалированную кружку, нож и ложку, отдельный узелок с вареными яйцами вкрутую, они рассыпались, и целый хлеб. Старик с опущенными веками, с кровью на пятке – нога соскользнула со шпалы на камень, – не выпуская длинной палки, вытянув шею, хрустит скорлупой на зубах, выплевывает, часть проглатывает, рукой упирается в землю, шаря, спешит скорей добраться до желтка, чтоб не упасть, так как ест впервые с прошлого утра. Он нащупал хлеб, обеими руками отламывает ломоть, остальное разбирают трое. Он вклеивает зубы в мякиш.

Щенок, выставив морду из кустарника, следит за совой. Она показалась снова над лесом и летит через сопку с красной прогалиной на вершине: там горело.

В телеге пусто. Он бежит к унесшим корзину. Все вывернуто, пища в руках у ртов. Щенок подсказывает к старику, положившему на колени длинную палку, опачкав когти в крови на ноге, и хватает кусок хлеба у его рта. Зубы глубоко уходят в ржаную корку, хрупкую вверху и мягкую внизу; стряхивая муку, он вырывает кусок из рук и убегает с ним, расширив рот, опрометью в лес. Старик бросается за ним на шум и, споткнувшись, падает.

XI. Сова

Сова летит над сопкой и несет корзину на вытянутой веревке. Украденные во время драки вещи сложены в ельнике близко от насыпи. Три чемодана, три корзины, четыре мешка, пять узлов и один портплед. Тяжелая корзина подхватывается крыльями. Слева под собой между плоских макушек сове показался огонь. Она повисла в воздухе, корзина опускается. Сова освобождает когти и тихо идет в траве к тлеющим угольям. Костер почти погас. Две женщины спят под навесом. Обeim холодно. Вытянув лапы, спит щенок. По открытому глазу ползет муравей. Сова глядит на Лидочку сверху, на Веру, любителю спящими и приближается к Вере. «Кажется, они погодки?»

Под дождем, высматривая издали, не едет ли навстречу телега, Петька доходит до табора, удивляясь тишине; между высоких камней он спустился в овраг, шаг за шагом дальше от леса, на каждом – готов назад, он оглядывается, выбирает, колеблется, но торопит себя вперед, чтоб скорей вернуться, в овраге его сбивают торчащие камни и глубокие лужи. По крутому холму в сумерках он поднимается к ряду шалашей. Людей не видно, дождь шуршит по хвое.

Сквозь ветки горит огонь, ослабевая. Четыре женщины сидят у входа лицами внутрь шалаша.

«Нужно скорей обратно. Значит, туда?» Петька подходит и нагибается, всматриваясь в темноту. Там он видит спящего попутчика. Одна из женщин обернулась, все вскочили и расступились.

Петька разбудил его. Попутчик поднялся, с трудом потягиваясь, и сел на улежанных хвойных ветках, покрытых овчиной.

– Что же они не приходят?

– Черт их знает, я здесь заснул. Подождем.

Ветер в щели гонит свет по бокам самовара, по двум ножам на доске для теста с ободранном деревом. Мужчины сидят на ветках, выглядывают из входа, но сквозь дождь ничего не видно. Попутчик засыпает снова, съезжившись от свежести, уткнувшись носом в руки, затекшие на смолистых ветках. Женщины, тесно усевшись, кивают головами. Только мужчины двинутся, они поднимают глаза. Петька отсчитывает последние пять минут. Согнувши спину, подняв колени, он прислушивается, ожидает и слышит с сопки крик. «Нет, этого не может быть, подменено слово; значит, все спокойно? Я ее увижу». – Ушей достигает сонный шепот, рук касается плечо. Под пальцами шевельнулись губы.

Лидочка просыпается, сучки, угольки, красные нитки рассыпаются у ног; сверху, насквозь обнимая руки под мышками, скользя по плечам, проносится холод. Кровь замедляется в жилах и стягивается к сердцу. Она видит его. Оно сжимается, кровь его наполняет, выкачивают вены. Оно представляет лицо в движении. Наливается, синее, дышит широким плоским носом, растекающимся в губы; глаз нету вовсе, а вместо шеи трубка из колец, накипающая кровью. Лицо гримасничает быстро, неравномерно сжимаясь и разбухая. Лидочка чувствует колотье и хватается за сердце. Она стоит на коленях, глядит в темноту и ждет без ответа. Сестра дышит рядом грудью вверх. Никто не приходит.

Лидочка сгребает веткой такие пушистые рассыпающиеся шишки, как комья шерсти: «Когда он вернется, настанет утро, есть будем вместе, вещи понесутся из этой, тоже пушистой темноты. Она просветлеется. Затем зимой по синему снегу, за темным окном горит плита, за дверью, оббитой войлоком, висит морозная шерсть. Мы встретимся, я кидаюсь к нему, и поцелуемся три раза».

Петька свесил голову у огня и дремлет, то и дело просыпаясь в беспокойстве. Он видит сон. Слетает сова. Это так кажется, а на деле только лицо. Лоб вспотел и посинел, он сжимается. Голова как две человеческих, без туловища, с плоским растекшимся носом. На губах выступает кровь и слюна. Лицо краснеет, надуваясь, потом вокруг глаз опадают морщины. Сова, слетевши бесшумно, садится возле Петьки, глядит улыбаясь и начинает доверчиво болтать. Петька, разозлившись, с отвращением ударил ее кулаком в лоб. Он мягкий и поддался. Она не ожидала, глядит ему в глаза и падает, икнувши на полуслове. Она не может понять предательского удара, беззвучно смеется и опять, бессвязно уже, болтает; но вот вздрогнула и замолчала. Кровь струйками тянется по ее мягким зубам, а она все скалит их, смеясь.

Его разбудило движение. Женщины выбегают под дождем вниз к черному шалашу; сквозь стены светит огонь, его перекрывают люди. Трех кладут на землю. Другие опускаются возле. Женщины стоят над ними. Мужчины видят побитых: у одного расквашен нос;

уведя, промывают выбитый глаз, со стонами, скрипя зубами, уговаривая в тесном шалаше; осколки зубов в деснах подпираются кулаком; обманутый надеждой на помощь, в тесноте, со сломанной рукой, в жару, протискивается к выходу. Пальцы насильно трогают раздавленную палкой на рельсе ступню в облипшей портянке.

– Там осталось несколько. Троих тащили. Еще придут...

– А телега?

– Тоже осталась там.

Мужчины напрасно подбивают и сулят. Мужики слушают внимательно и не отвечают.

В это время голодные там собирают последние выроненные куски, уводят лошадь под уздцы через воду и уходят к морю.

На Петькины увещанья мужики спрашивают, где корзины, и обещают завтра из остатков собрать какой-нибудь драндулет. Петька торопит сейчас. Никто не идет.

– Тогда мы уходим.

– Что же уходить? Вокруг лошадей нигде нету.

Мужики стали у входа. Несколько садится вокруг, и многие дремлют. Только мужчины пробуют подняться, трое заслоняют выход. Только двинутся – сидящие поднимают на них глаза.

Оба ложатся до утра. Петька вытянулся, голова на руках, не вертась в муках, не прося, не торопясь на сопку, притворяясь спящим. Скоро мужики засыпают, кроме двух, поочередно. Избитые по своим углам в одиночестве, прислушиваясь к жалобному бормотанию женщин, стонут, осторожно перекладывая свернутые шеи и руки. Петька очнулся от сна в холоде и не поднимаясь смотрит.

Не успела Лидочка улечься – щека подперла веки, – сова разбудила Веру, ущипнув клювом рукав. Сестры поднялись и отодвинулись в испуге. Сова предлагает обеим еду и говорит: «Не бойтесь! Вы видите, это сон». Она обещает пищу в теплом доме. Им видится накрытый стол. У окороков заморожен жир, он отогревается губами и пронизан морозными трещинами. Ветчина хрустит под ножом. «Каждая получит что хочет. Это длится мгновение, так как вам это только снится».

Лидочка: Я очнусь для свидания; в крови, осененной перышками, проснется веселье от теплоты.

Щеки краснеют. Глаза блистают. У сестры во рту язык движется в слюне. Сова обещает им окорока, бутылки и раскрывает в ветках недалеко – во сне – корзину до дома. Сестрам мелькнул свободный сон, его нельзя вернуть, они жалеют, но вот сова возвращается с пищей. Она обнимает Веру крылом, поднимает ей подбородок и подносит ее руку с воблой к открытому рту. Голодная Вера ест, ее руки прячутся в теплых перьях, и, подкрепившись во сне, сестрам приходится встать. Сова им машет крыльями – они идут за ней через ельник – и говорит: «Я наброшу скатерть на стол, наскоро разрывайте прямо руками, раскрывайте рты, огурцы горят на концах зубов, вы можете пить, вам будет еще теплей. Костер вздувается, ломти сыра подогреты, живые куски выскакивают в масляных пятнах на скатерть, не роняйте на них виноградин, ловите губами на шее; на ладонях ловите гранатные зерна. Все – до утра без страха, так как утром вы проснетесь».

Лидочка (утром): Пока я засну – для такого приятного сна. Для свиданья. Я тебя увижу. Пока что, осторожно сквозь елки. Время сна не твое.

Она начинает уставать и наколола себе ноги. И обе позволяют сове перенести их. Она доносит на себе Лидочку до лужайки, опускает возле краденых чемоданов и прилетает за Верой. Та успела заснуть с воблой в руке, вернувшись к навесу с неподвижным щенком. Она поджала ноги и скорчилась от холода. Руки под головой. Сова обходит костер; последние уголья гаснут. Темнота открывается. Щенок продолжает спать. Сова разбудила Веру от сна. Объявляет, что в сон. Вера переступает по холодной траве босыми ногами. На шее чувствует

руки, на груди пальцы, шаря и открывая холодному ветру. Руки опускаются, колени овеивает холод, она садится в траву. Юбка поднялась выше колен. Икры в воде. Она дрожит, и вместе с холодом ног касается тепло. Затылок ложится на сучья, волосы растрепались по траве. Она ворочается, чтобы встать... Сова сжимает и тянет ее к себе. И под утро бредут – царапая острой хвоей голые ноги, сонные, с портпледом в руках, а сова впереди, умело пробираясь. Впрочем, Лидочка нравится больше. Только они спустились к заснувшей Лидочке, загорелся рассвет, и сова улетает.

Среди ночи Петька и попутчик крадутся, сводя дыхание, не касаясь спящих. Петька миновал последнего, дверь отошла, он проснулся. Попутчик воззрился в раскрывшиеся глаза, брыкает вскакивающего мужика ногой и бросается бежать. Его догоняют длинными руками. Решительное безумие гонит Петьку далеко между камнями без оглядки вопреки удушью. Упавшего попутчика топчут ногами, он отплевывается и с яростью тянет руки за Петькой. Наконец он говорит, где сложены корзины, с трудом шевеля рассеченным языком.

Петька от дороги на четвереньках всползает на гору, торопясь увидеть и увести. Он узнает костер. Их нет. Внизу мелькает черное тело бегущего щенка. Петька кричит и, начиная сначала, обегает десятый раз прогалину, ища обмана. Смотрит в чащу, в темноту, вверх на сопки, не может оторваться от места, где они были, и вдруг в просвете мерещатся две белые фигурки. Он напрягает глаза, но не может различить. Все-таки он бросается вниз, напрасно ища следов; между расщепляющимися деревьями открываются новые; устремляясь всюду, перебивая себя и вдруг с тоской, верно вспомнив о том, что оставил под навесом, побежал обратно в гору, на каждом шагу крича, прислушиваясь, надеясь найти тут же, боясь прервать тишину, в которой роится ответ, торопясь кричать, чтоб заглушить молчание.

Из чащи, опережая друг друга, выходит пять мужиков: «Наконец дошли до пищи, и себе в охотку, и ребятня сыта будет». Каждый запускает руку, роет глубоко. Попутчик, оставленный на краю каменного обрыва, спрыгивает и катится вниз. Никто не обернулся. Мужики вывертывают корзины и шарят. Лежат одни объедки. Всей пищи нашелся узел с огурцами и воблой.

Взбравшись по каменной гряде, Петька увидел согнувшихся. Их глаза пятнают лес просветами жара. «Огонь, упади в сухую труху, высуши воду, задуши в гнездах, заглуши шепот по углам шалашей, заткни уши криками». Пустые руки ломают бессильно гнилые сучки. Нахлынувшая кровь отлила от поднявшихся голов, в них звенит голод. Обманутые встают навстречу оглядывающемуся Петьке. Не успел разобрать – внизу мелькающий лоскут, поймали его рукав, срывают такой предмет, как тужурка, валят и колотят рваными сапогами. «Боги безответные!» Пятная лицо глиной с плевками, усталые, двигая в переносицу, разбивая губы, вбивают зубы в глотку, заставляя глотать с кровью, и, протаскивая по траве вообще-то живое тело, сбрасывают в каменный овраг. Шатаясь, мужики возвращаются к вобле. Между корзин на земле, спиной к ним, сидит отставший больной и, колдуя над куском хлеба, вяло пережевывает, держа у мокрых усов. Им кажется, что остатков ubyло. Один из них подходит и рвет из рук полуобглоданную воблу. Нет сил его свалить, раскрыть его руку, прижатую с рыбой к животу. Зубы готовы разгрызть сжавшиеся пальцы. Подошедшему в ворохе белья показался хлеб. Другие нагибаются за ним. Его прячут в глубину карманов, за пазухи, в пояса, и все вокруг находят пищу и забирают ее себе, а он ищет ее в руке, в зажатом кулаке. Опущенное лицо покраснело. Он вытянул двумя пальцами сапожный нож, обмотанный почерневшей дратвой, с треугольным лезвием и бьет им в затылок согнувшегося и отталкивает его. Тот падает на спину, сажая нож глубже. Ударивший раскрывает его сжатую руку и, пока мужики таращат глаза, поднимается и уходит с рыбой. Все уходит за ним не оборачиваясь. Раненый, севши, двигаясь, касается пальцами шеи, настойчиво натывается на боль, дергает левой рукой подвижную ручку и глядит искоса на отброшенное светлое лезвие; выплевывая красную слюну, он ощупывает затылок, дрожа, все ближе походит к

ране, наталкиваясь на текущую кровь, и, чувствуя ее, в ужасе отнимает руку, видит, что вся ладонь в красной, стекающей между пальцами крови, и от страха падает и кричит, зовя на помощь, пробует бежать и ползет за ушедшими.

Он тащится, убегая от крови, оставаясь на месте до вечера. Рана покрылась клейким белым налетом и едва содрогается при движениях. Много раз он падает лицом в землю, но дождь пробуждает его. «Вот тихое логовище в листьях. Мне устелили землю острые листки и красная брусника, за которой облака. Нет ни человека. Здесь безопасно. Просветы уводят в чащу без страха. Это каменоломня».

Он свалился, не может и не хочет подняться и с облегчением, не меняя положения, оглядывается, так как кровь остановилась. Земля обошла вокруг его головы. Он уткнулся лицом в траву, свободно вытянулся всем телом, разложив руки по швам ладонями вверх, и, успокоившись, остался неподвижным.

Под горой в ямке лежит Таня, уснувшая от голода, с закрытыми глазами и сжавшимся лицом. Весь день ее ищет мать со спрятанным куриным крылом, бродя вокруг табора. С наступлением темноты сова налетает на Таню, рассеянно и полушутя опускает ей из клюва помятый кусок хлеба. Она, любопытствуя, задерживается. Таня, разобравшись, хватается, не веря счастью, и поедает дальше. Вдруг махнув крылом, сова улетает, пока та подбирает крошки с землей вместе. Таня поднимается и ползет домой.

Лидочка с Верой весь день сидят на лужайке, не отходя от вещей. Вера не говорит ни слова, не зная, чего ожидать, передумывая, и гадает о сове.

Лидочка не ест весь день. Наступает вечер. В овраге шевелится Петька. Он выползает наверх и натывается на труп мужика. Его удивляет странное положение тела. Он лежит вытянувшись, но голова запрокинута и заведена так, как будто ее кто-нибудь выломал из шеи. Верхние веки обвалились вниз, заведенные глаза уперлись зрачками в камни. Петька встает со звоном в голове, еле движется и зовет Лидочку.

Только стемнело, прилетает сова. Она уносит Веру. Ее нет долго. Наконец она возвратилась. Лидочка сидит, опустив глаза, и прислушивается, не идет ли Петька. Вокруг нее лежат объедки и нетронутая пища, но ей уже голодно. Как только сова приносит ее к себе мимо пригородов, где кое-где огоньки, все обещанное лезет в глотку. Ее одолело любопытство, так как они сидели за столом в теплой четырехугольной комнате, половину которой заполнила своими криками сова.

Полночи они с сестрой не отрываются от еды. Им тепло, они откинулись назад и запивают тем, что наливает сова. Наконец под утро Лидочка в темной комнате становится коленом на мягкую постель, падает головой глубоко в подушку, растягивается под одеялом и расправляет руки и ноги, не разглядев комнаты.

По деревянной галерее дома, тихонько ступая, пробирается сова до маленькой двери. Ночной франтовый костюм, свежие кальсоны и сорочка, пахнувшая духами «Шипр». Открывает и входит. Она поднимает одеяло только что уснувшей, гладит и трогает ее. Та проснулась, садится в испуге и в темноте отталкивает. Она закричала. Сова обнимает тонкие руки, ломает их и ласкает, вспоминает быстрыми словами о пище и, не уставая говорить, заговаривает крики и просьбы. Кидающееся тело вжимается в постель. Сова шепчет над лицом с широко раскрытыми глазами: «Не кричи от боли и страха». Удерживает вырывающуюся, и скоро та засыпает с мокрыми щеками.

Петькина молитва:

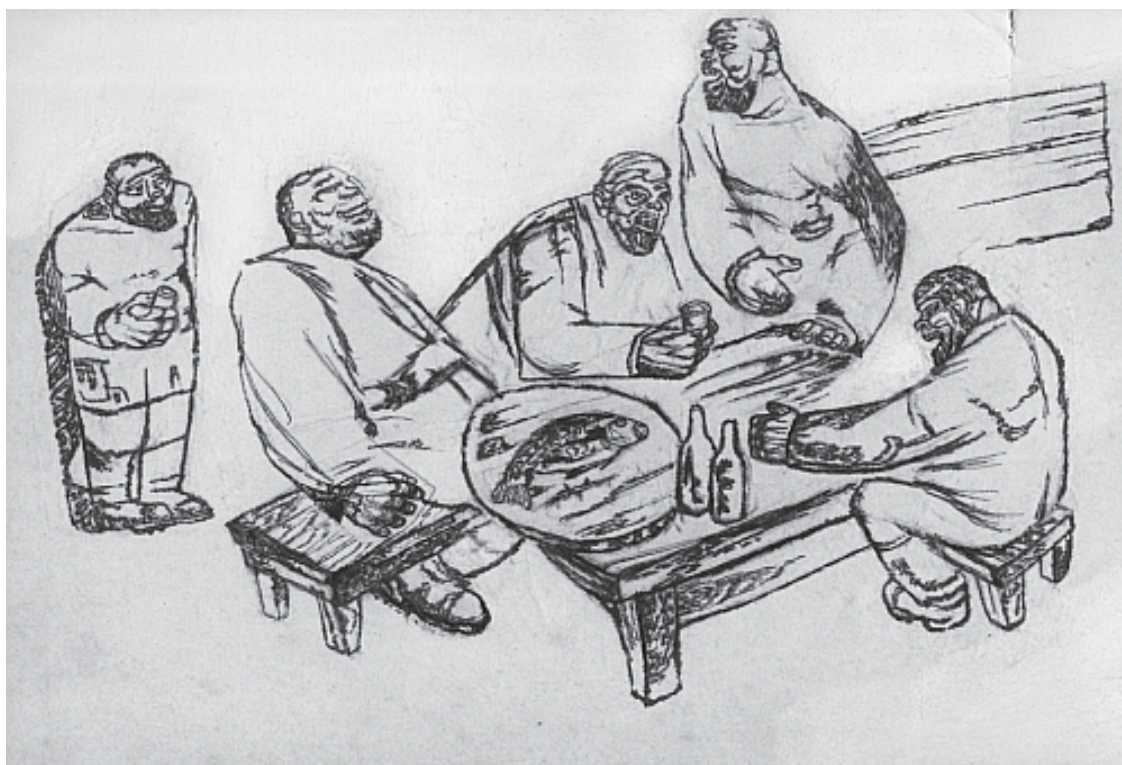
«Боже мой! Молюсь тому, кто исполнит молитву. Руки побиты сапогами. Пошли в лесу хлеба не в пищу, а для жизни. Возврати ее, дай отыскать. Не прошу ни о чем – только это. Пусть потом отплатится горем. Боже мой, умоляю тебя, окончи мои мученья. Сделай так,

чтоб мы были вместе. Я согласен на все после. Пусть умру, как не умер. Пусть не спасусь от голода, после, не теперь. Дай прожить вместе. Дай найти. Дай ее увидеть».

Шляпа на шесте. 1933. Б., тушь, перо. 22х22,5

Часть II

Застолье. Иллюстрация в журнал «Перелом». 1932. Б., тушь. 13х19,2

I. Обед

С темнотой сова ожидает гостей. Внизу над рекой гудят шмели. Сова сидит на перилах балкона. Из колючих кустов выходит первый щенок. Издали увидев сову он бежит в пыли. Садится под балконом и лает. Он говорит вот что:

– Я вас нашел с трудом. Тут столько дыр. Дорога и вверх и вниз. Вокруг ни листка, торчат колючки. У меня ободрана шкура. Я видел, как вы таскали из телеги корзинки, и решил вас найти и просить в нужде.

Сова: О чем?

Щенок: Покушать. Перенять от вас несравненное умение, чего и не знаю. Поучите меня. А я умею бегать, кусать, находить.

Сова: Значит, уже мастер! Это не первый раз. Если ты бегаешь быстро, я тебя возьму для охоты. Обглоданная кость, но тонкие ноги из железа. Такому лучше железную цепь.

Щенок: Вот через дверь на день только пусти во сне обломаю клюв и без глаз отгрызу когти корзинному вору и упадешь с балкона как засохшая шишка только бы пустил поесть.

Сова: Не оброс бы мехом, выкруглив спину на вогнутых лапах, как я, расправляя крылья.

Щенок: И язык у меня высунут, и дышу часто – устал.

Сова: Начиная с первых полетов, шатаясь, крылья крепнут. Далеко ему. Пока можно сделать ему счастье.

Щенок: Откроете?

Сова: Пустить? Ладно, открою и накормлю, чтоб не прогрыз дыру.

Сова, слетев, отпирает, пропускает щенка и поднимается за ним по ступенькам. На последнем шагу она себе шепчет: «Уйти от греха. Вот зарежут в старости дурака и не без моей помощи. Но этого никому не решить. На что он годится?» Ведет щенка к столу: «Сиди здесь и жди обеда. Скоро сойдутся гости».

Они собираются вокруг стола. Щенок вслушивается. Вошедшая сова ведет к дверям и отпирает. Гости следуют, сходя по трем ступенькам. Щенок просовывает морду в дверь, но плохо видит в темноте. Там слабо светятся окна на запад без стекол. А в смежной комнате, расположенной еще ниже, огонь. Оттуда проносятся смешанные запахи ветчины, сала, шепот гостей, рыбы и лимона, укропа, слышны капли на камень, несколько брызг окропило нос щенка, он облизывается, морщась. Гости проходят мимо, выделяясь на меркнущих окнах. Их опережают низкорослые слуги. На столе вырастают темные кучи еды. У самого конца блестит холодец с чесноком, с кусками свинины. Щенок придвинулся. Половину съедает один из гостей. Щенок кончает остальное. Свернутые свиные шкурки мелких кусков гость оставляет на скатерти. Другие едят, отделив ножами, шлербая губами свежую зернистую икру. Сова: «Это днестровская».

Те, что кончили, не дождавшись мешкотных слуг, сбегают вниз за грибами, неся на блюдцах. Белые расплзаются в скользком маринаде. Их ловят длинными пальцами. В центре стола на широком блюде, пожелтевшем в середине, опутанном паутинкой трещинок, распластанная камбала. Гости давят лимоны ей на бок. Двое тихо говорят, звеня стеклом. Щенок не слышит слов. На другом конце кто-то лезет за вином с глубоким стаканом. По столу прыгают крохотные корнишоны, пущенные ударом двух пальцев. Их ловят ртами на лету. На зубах хрустят салатные листья, сметана с уксусом каплет на скатерть. Листки красной капусты прочищают глотку, мелко нарезанные зеленые куски оболочки фаршированного перца ее сжигают. Доедают обрывки красной семги или срывают толстую кожу с балыка. Одни сосут кусочки жира твердой охотничьей колбасы, другие на корки хлеба накладывают кружки кровяной. Вносят горячие блюда. Языки слизывают подливку с бахромы шампиньонов или высасывают, чмокая, красные клешни раков, рты втягивают их со свистом. Гости раскрывают створки пахучих мидий, роняя на скатерть рис; закрыв глаза, глотают желтые комочки и с бульканьем запивают, откинувшись на высоких стульях. Некоторые медленно,

уткнувшись носом, копошатся в холодной птице под белым соусом. Большинство кончает еду и прополаскивает рты вином. Щенок сидит на табуретке, упершись лапами в скатерть. Он не может оторваться от запеченной ветчины. То скусывает сало с краев и глотает полосками вместе с тестяной коркой, то обмакивает в горчицу сухие куски середины и лижет с тарелки крошки.

Внизу, освещая стены, забивая крохотные дырки окон, под железом горит огонь и булькает жир. Трое слуг выносят вверх в темноту покрасневшего гуся и сорок яблок к нему на двух листах. Сова на мгновение подходит к щенку и садится на спинку соседнего стула. Она говорит:

– Завтра ночью пойдем на грабеж.

Щенок запел, подпрыгивая и качая головой.

Сова: Чего ж ты радуешься? Что ты представляешь? Лучше веселись здесь.

Щенок: Я устал в колючках, царапая глаза и язык, слизывая бруснику. Я ждал, что встречу бурундучка; это то же, что суслик.

Сова: Ты разве не встречал зайцев?

Щенок: Мне совестно.

Яблоки срослись боками и треснули. Их разделяет пена, ее роняют на скатерть. Гости набивают ими рты, заливая горькой подливкой к сладкому гуся. Цепь пирожков разрывается на белых боках, на отдельные с капустой, с печенкой, с грибами, с мясом. Их запах расходится над столом. От бульона поднимается пар. Гости обсасывают тощие лапки рябчиков. Большие куски гусятины в глотках с трудом проходят. Затем подается лангет, разбитое перченое мясо в оболочке из сухарей, языки, терпуг, и пьют густое красное вино.

Щенок отрывается от пищи и вслушивается в разговоры. Кусая мягкий пирожок, гость говорит другому:

– ...к вечеру на угол Разъезжей. Проходит женщина в пальто. Я ей кричу: стойте – пальто, ваше пальто покраснело. Спина оторвалась. Она оглянулась, кружится, чтобы увидеть спину. Я гляжу ей в глаза, сдираю. Красавица, дочка Балана.

Сова морщится.

– Жаркий снежок. Мой нос горит. Не успел я оглянуться, я говорю ей: у меня тоска. Я один. Смотрите, какая теплая шерсть, какие острые уши. Уши просвечивают. Еще два года, и я разорву когтями деревцо. Грудь дрожит от частого дыхания. Как тихо кругом. Падает свет на голубые крыши, стены желтые, как зимняя вода. На востоке наводнение. Неестественно в этом возрасте ходить одному. Мне не пальто, мне с вами. Мне с вами надо на лед, на цыпочках, на стальных когтях, на кривых коньках скользить вниз под деревья. Роняют снег. Будет весело и чудно. Я вас умоляю, идemте вместе. Она пожелтела от страха. Щеки черные, их раздражает воротник. Блестящие глаза и иней на волосах. Комната опрыскана духами. Мой мех пропах; окно занавешено поверх стекла от вихря и снега. Она говорит: идemте. Да! Бедный дядя!

– А что?

– Он бросился в реку; но, говорят, впрочем, не утонул.

Вокруг затихли, слушая. Гусь оставлен, жуют кусочки пирожков или корки, отвалившиеся от окорока, в рассеянности. Теперь, когда он кончил, головы поднимаются, рты собирают со стола пищу. Начинается общий говор. Щенок, склонивши голову набок, наморщив нос, грызет гусиную кость, пуская слюну. («Неудобно, я ем больше всех. Нет, это только кажется»). Кости гремят о тарелки; наступая на них, отрывают мясо. Окна скрылись. Только легкие дуновения свежести указывают их место. Сова поднимает рюмку, стуча и звеня ею по клюву. Она кричит в темноте:

– Солнце в тумане; в лесу теряешь дорогу. Всюду глаза на свету без черных век. Я избираю для охоты ночью прямые дорожки к крышам. Они проторены. А что не теряется – это аппетит.

Гость с конца стола отвечает:

– Поздравляю со счастьем и покоем! Дураки ограждаются голодом, а у зайца за лист капусты от большого голода палкой перебили лапы. К счастью, мы не ворует капусту. Кто же о нас скажет плохо? Охота – благородный спорт.

Другой, омочив края зубов в вине и опустив в высокую рюмку длинный язык, говорит соседу сквозь шум:

– Ветер сушит мне шерсть, поднимается пар. Я вижу, совенок спустился к большой норе – в ширину вашего открытого рта – и ждет поесть, а сам совсем маленький, как шишка. Из норы выходит заяц. Порядочный. Заметил и прыгает. Я был сыт. Совенок ударил сверху и запустил когти под шкуру между лопатками. Тот прыгнул. Я уже задрал голову, так как быстро. Совенок взлетит и клювом по затылку, – пробьет. Заяц повиснет, дрыгая длинными лапами, – смешно. Нет. Заяц падает. Совенок силится взлететь, хлопает крыльями, не может вырвать когтей, – я побежал за ними; заяц мчится, взбесившись. Ветром совенку ломает крылья. Наконец он вырывает когти правой лапы. Заяц донес до насыпи. Тут он замедлил, припадая, и остановился, вертясь, рассмотреть совенка. Тот освобождает когти левой, чтобы опять напасть, но заяц подпрыгивает на задних лапах и падает на спину. Он подмал под себя совенка, поднимается и вдруг прыгает на расставившего крылья и на месте сочленения левого крыла танцует. Кажется даже, я слышал хруст. Он отходит. Совенок ползет, стараясь уползти. Что же бы вы? Заяц бьет его задними лапами, царапает, срывает перья. Я не успел оглянуться, совенок лежит без движения. А заяц отбегает и хочет снова бить. Вне себя я встал, чтоб покончить с этой тварью, и уже занес; мне казалось, что я его не стану есть. Но вдруг загрохотало, под ногами сверкнул огонь, тень оторвалась от тела, меня унесло от земли и бросило. Я вскочил и бежал с версту в страхе. Когда я вернулся утром, там были рельсы и пусто. Видно, заяц удрал, а совенок уполз куда-нибудь недалеко. Я не стал его искать, так как было светло.

Сова:

– Небезызвестная история.

Гости кончают еду с сильным шумом. Некоторые ложатся, растянув лапы, положив морды на блюда, не имея сил поднять голову, другие вытягиваются животами по столу за остатками мяса, роняют кости телячьих отбивных на пол; слуги под столом грызутся из-за них. Соприкасаясь шкурами, подбирают со скатерти куски, покусывая друг друга в губы и в нос, иногда ворча и хрипло дыша от натуги. Выпивка притупила вкус. Кушанья теребят в беспорядке. Кое-кто, свернувшись, заснул под столом. Кое-кто влез на стол и бродит, наступая на грызущие морды, отыскивая куски полакомей.

Большинство разлеглось по стенам на боку, расправив хвосты и крылья, зажмурил глаза и благодумствуя, тяжело дыша, с раздувшимися животами.

II. Щенок и заяц

Сбрасывая утренней дрожью капли росы со шкуры, заяц сидит у кочана капусты.

Не обращая внимания на огородное чучело с угольными глазами и подписью «Есть нельзя», он, закрывши тонкими губами твердые листья, со сдержанным хрустом отправляет за щеку и уплетает, косясь и облизывая губы. Эй, ты, несчастный, плачь! Будешь сегодня съеден.

Под вечер сова проснулась и говорит щенку:

– Подождешь на месте. Беги к реке. Оттуда по краю поля, до двух муров². Там ты увидишь хутор – и вверх по оврагу до вишневого сада. Прячься в кукурузе в огороде – и через низкий перелаз во двор.

Щенок: Кто там?

Сова: Мимо курятника, от него налево – между муром и стеной конюшни; не наступи на грабли.

Щенок: Теленок?

Сова: Тут спрячься и жди меня. Под навесом нет никого. Лежит жернов. Да поменьше ходи по папшойной шелухе³.

Щенок: Корова?

Сова: Дурак. Я буду как стемнеет.

Щенок: Стадо!

Сова: Мы обойдем дом к сараю. Там куры; в погребах на бочках камни. Ты их сбросишь, чтоб достать окороков, моченых помидор и брынзы.

Щенок (отступая): Вот как?

Сова засыпает снова. Она лежит сопя, с открытыми глазами, поднявши лапы, беспокойно, со слюной на клюве. Щенок проходит несколько комнат, бредет по коридору, выходит на галерею над долиной и садится поглядеть вниз. Вдруг он увидел в кустах серого зайца. Через колючки усталый катит осторожно большую голову капусты, оглядываясь с опаской. Когда он поравнялся с галереей, едва заметный сквозь ветки, щенок кричит ему вниз: «Эй ты, стой!» – и лает.

Заяц: Мысли о норе прерваны. Заклюет. Он видит на свету!

Щенок: Гав-гав! Слечу кругами, не уйдешь – беги!

Заяц: Не донесу капусты. Меня трясет. Она голодная. Отнялись ноги. Назад!

Щенок: Лечу! *(вскакивает на подоконник и делает вид, что хочет прыгнуть. Заходится лаем.)* Беги!

Заяц: Чтоб у тебя сломались крылья! Клювом в затылок. Ноги... Наконец... Бегу...

Хочет бежать, вдруг замечает: «У него нет крыльев! Капуста...» Он медлит, толкает голову, шепчет: «Круглая, зеленая, холодная. Катится... Скорей! Донесу».

Разбуженные шумом сова и три гостя выходят на галерею.

Щенок: Стой!

Заяц: Какой голос, дрожат ноги после страха... Неприятное чувство зависимости. Что вам нужно? *(кланяется.)* Я ведь в стороне, чего вы меня сверху облаиваете!

Щенок: Ты что, с ума сошел? Как смеешь, падаль! (Большой, какие когти...) Вот я слечу!

Заяц (нашел кочан): А крылья?

Присматривается со злобой: «Маленький...».

Щенок: Гав-гав-гав! Разорву!

Заяц: А ты меня не серди и не гавкай, а то смотри, морду повешь. И не визжи. Не пускай слюны.

Щенок: Вот я слечу, тогда...

Заяц: Да, слетишь! Крылья прицепи. Слетишь на хвосте, сядешь на жопу. *(Садится перед ним.)* Тоже, путаник, – язык не вырони из глупой морды. *(Передразнивает.)* Гав, гав, гав, гав...

Щенок: Вот слечу...

² Мур – забор обычно 1 м высотой, сложенный из белого дикого камня и опоясывающий каждое хозяйство. – Примеч. авт.

³ Папшоя (молд.) – кукуруза. – Примеч. авт.

Гости: Что за зверь? Что он несет? Откуда у вас дурак – летающий щенок?

Заяц: А ну лети, а ну?

Гости: А косой-то худой! *(хохочут.)*

Сова *(щурится)*: Ничего не вижу.

Гости: Да и мы плохо после обеда.

Щенок взлезает четырьмя лапами на широкий барьер и хочет прыгнуть.

Гости: А! Смотрите-ка!

Щенок приседает, вытягивает морду вниз и долго глядит.

Щенок *(заходится)*: Ого-го... слечу!

Заяц: Посмотрим! Ну-ка, ну... испугай, дерни! *(поглядывает в лес.)*

Щенок *(отступает, щетинясь)*: Гад... подожди, я тебе покажу!

Заяц свистит. Гости хохочут.

Сова *(улыбаясь клювом)*: Он жестокий!

Щенок внезапно заметил гостей, убегает.

Щенок: Скованность, беда. Пусть бы мне верили. Добыча срывается с места, и я лечу. Но если свистят и смеются, тут черт полетит, или колодка. У них, видно, нет ушей. Я хочу быть страшнее их. Сова сидит по спинкам и машет крыльями. Мне бы такие. Перегрызу горло.

Он чувствует себя удрученным. Неудача лишает вкуса к дальнейшему. Возвращать потерянное – не работа. Ему противна самая мысль об охоте. Вечер. Надо собираться.

III. Жалость

Компания из четырех друзей, выпив, возвращается домой. Все бьют друг друга в бок, поют кто в лес кто по дрова и затевают ссору.

Племянник: За окном стоят вдвоем Таня и дядя, обнявшись. Вы меня мучили по ночам. Но я не думал, что можно угадать. Я видел, как она приблизит лицо, будет глядеть и поцелует. А ты делал то, что я делал в мыслях. Как я мог поверить этому разу...

Дядя *(не слушая)*: Я бы пошел к реке.

Первый: А не опять в местечко? Положим, что купаются и вечером, но я не допил.

Племянник: Идем домой, к реке – там я останусь один. Оказывается, я пьян. Пьяные надежды! Ты бы мог сделать это попозже. Например, завтра.

Второй: Скорей в пивную! Я понимаю, ты совершенно обязан ненавидеть хотя бы из обиды.

Первый: Кажется, что так.

Второй: В пивную. Забудешь, где зудит и как чешутся. Но, кроме легкости забыть, у тебя будет впечатление свободы. Обязательства слагаются: бить в морду, грызть зубами, чтоб не уступать через силу – можно, но не обязательно. Лучше выпить.

Дядя: Зачем такая мрачность, я надеюсь на счастье и даже предпринимаю. Когда Таня была так близко, положительно мне показалось, что ее спина притягивает мои руки. Еще немного, и я освобожусь от жены.

Племянник: Вряд ли. Разве ты уезжаешь? Мне жаловалась твоя жена. Желаю так же застать ее. А твои дела – игрушки.

Дядя: Проклятый! Она нас увидит с Таней. Я рассчитываю на ревность.

Племянник: И что же тогда?

Дядя *(шепча)*: Тогда жена меня полюбит...

Племянник: Для этого? Я не верю...

Первый *(к дяде)*: Как раз об этом деле. Меня уполномочил старик. Дело в том, что подвода, кажется, вышла.

Второй: Ни о каком деле. Свернем под железную крышу. Обсудим, как пропустить твое дело между пальцами.

Дядя: Да, да. Опять. Требуется понемногу. И для смеха и для страха. Пока что нам нужно. Что там, едет желтый шелк?..

Первый (улыбаясь): Много новостей необходимо для наших дам.

Дядя (внезапно): Значит, нет? На этом разе осекся... И теперь я вспоминаю такие вещи.... *(Останавливается.)*

Первый: Ну что ты?.. Вот лавка.

Дядя: Впрочем, очевидно, я беззаботен. Таня была так близко. Я ее полюблю и освобожусь. Может быть, и иначе... А что? Чем это плохо? *(Он подмигивает племяннику.)*

Они переходят улицу к железной крыше. Она висит над белеными стенами лавки. Горе углубляется. Бузина окружает мокрую площадь. Кое-где блестит вода. Вход завешен полосатой, вырезанной уголками парусиной-тентом. Они уселись за стол в глубине.

Племянник: Я вижу со страхом, что горе углубляется. Откуда неугомонность? Мне ее во что бы то ни стало.

Дядя: А если не дать?

Племянник: Мне с нею. На слезы и смех постоянно. Одно привлекательней другого. Больно от ее смеха. Не хочу лишиться боли.

Второй: Ты безумно отдыхаешь.

Племянник: Когда голова расколота, ничто не идет. Столько вытекает крови – вытекает струями, опустошает, разносится ободьями, дробится подковами, услужливо и, наконец, на каждом шагу – с трудом иссякает и ко всему прилипает. Затем мне завтра с ней. Сплю в слезах, просыпаюсь в счастье. И эти все чертовы телеги приносят все до капли. Пусть будут прокляты все другие.

Первый: Тише, тише, у каждого свое.

Племянник: Жестокость. Ты, дядя, пережрал. Тебе нужна минутная юбка, необходима! А для меня она на все дни. Подлая твоя манера – грабить без толку, без разбора. Вырывать кусок в набитое брюхо из щелкающего рта. Зачем она тебе?

Дядя: А не я ей? *(жестко.)* Но я еще не ее.

Племянник: Уже поздно. Оставь себе. Милая, милая. Я тебя убью, если ты ее не оставишь.

Второй: Ну, что же?

Дядя (мрачно): Давно желаю сбить тебя в состоянии, так сказать, годности к употреблению. Что я говорю! Не оставляю.

Племянник: Она под бузиной. До неба. Все небо. Выступает кровь на щеках. Блестят глаза, а рот смеется. Мне страшно. От реки до горы. Под ним земля. Ясно, что ее на меня хватит.

Второй (про себя): Каков – на такой, как клоп на перине, даже не вижу, что тут хорошего...

Племянник (к дяде): Я буду подзадоривать себя, и ты, конечно, поможешь. Маленькая, Таня, Танечка! Хорошо, я уступаю, я ее не обману. Я уступаю, только бы с ней, близко. (Мне ее во что бы то ни стало).

Дядя: Ну, а если нет?

Племянник: Повешусь.

Дядя: Да, она хороша. Я понимаю, что от нее невозможно отказаться.

Первый: Ладно, знаем, на это вы все мастера, не уступать, хоть лопни. Я бы уступил. Я устал от ожиданий и от чужого страха. Вы знаете хлопоты старика. Навязался он мне на шею. Я не виноват в их несчастьях. Я ведь то же, что вы.

Второй (смеется): Что ты, Саша, выбираешь?

Первый: Он с ума сошел. Но, сказать по правде, меня пугает и счастье. (*Указывая на племянника.*) Когда он разевает рот, полный жалоб...

Второй: Смотри, берегись.

Дядя (*пожимая плечами*): Привязались к минуте.

Второй (*смеясь*): Да, в самом деле стоит подождать.

Дядя: Такие дела не ждут. И, конечно, они опасны. Не только для меня. Я жалею всех нас. Но черт с ними со всеми. Мне жалко тебя, но, говоря откровенно, мне нужно. Необходимо.

Первый: Я знаю тебя, ты такая же скотина, как мой старик.

Дядя: А ты дурак.

Первый: От дурака слышу.

Племянник: Дай ему в морду, не то я сам.

Второй: Лучше уйти от вас, еще и мне попадет. (*Возвращается.*) Нет, останусь – дождь. Ладно. Вы помешались. Опомнитесь. Что толку спорить чем дальше, тем больше, до потери сил? Вы слышали об нашем Балане? Так его дочь... подождите, не деритесь, дослушайте...

Первый: Что? Дона? Моя жена? Что он расскажет?

Второй: О ее поклоннике. Дама оказалась с норовом, а сопротивление рождает настойчивость. Он полез, как медведь на дерево. Бревно его толкнуло, тихо, для начала. Он отбросил. Оно крепче по морде. Он рычит. Мед благоухает. Как поется в песне:

«Мадам хохочет
Поручик хочет...»

Трое (*подхватывают*): «А мы все пили, пили, пили, пили ром».

Второй: Подождите петь – слушайте! Он бьет лапой, рыло в крови, когтями, дерево отлетает. Не видя перед собой, разевая рот; раз... и его столкнуло вниз. Выходят люди вниз и снимают шкуру с медведя, если он не прекратит беситься. Образумьтесь и пожалейте свои носы.

Дядя: Не лезьте за медом, а берегите шкуру? А может, отдать и шкуру, чтоб не бояться ее лишиться?

Первый: Мне очень жалко.

Дядя: Жалко у пчелки. Раз твое бревно помяло шляпу, ты, конечно, можешь жалеть... (*Второму.*) Ты советуешь оставить? Но мне нужна жена, а ей нужны наряды, вот и дела.

Племянник: Ты советуешь забыть о Тане?

Второй: Сколько перемен в вашем доме! Я тебе советую сделаться любовником дядиной жены. То-то станет легко и дяде, и Тане, и ей, и тебе. Или подстрели дядю. Подстрели его. Это даст кому-нибудь повод подстрелить тебя. Справедливость в лице какого-нибудь нового мерзавца покарает тебя, и тебе придется плохо. Не от него... Но кто-нибудь тебе свернет шею. Кому это будет нужно. Я вам, впрочем, советую – убейте всех, кто вам может свернуть шею. Устраните их! (*Влезает на стол и простирает руки.*) Это не жестокость, это необходимость.

Первый: Слезай!

Второй: Я продолжу. Что мы засели в этой лавке и воюем? Вознаградим заботы. Пусть появится еда, сладкие кусочки, утоляющие боль. А лютые душевные гадины пусть заснут, чтоб набраться сил. А у тех, кто здоров и весел, охотничья колбаса зашибет солитера, и он выйдет сдохшим с отработанной убийцей. Хозяева, ведите домой! Там навалены груши, смяты прикосновеньем стружек красные яблоки, грозди винограда, огоньки на горлышках, искры на синих шляпках, звездочки коньяков. Лимоны, с блеском бронзы, апельсины благо-

ухают порами толстой кожи. Возвышаются восковые дыни, корки расходятся под тяжестью рук, выбились семена и сладкий пахучий сок течет по языкам – скачут медовые куски, запуски. Рвутся арбузы, как стальные ядра с огнями на боках. Красные гранаты одеты твердой кожей, их царапают розовые ногти. С веселыми каплями кольца блестят на белых пальцах. Ах, как это хорошо! И там, где бессилён перец, мою душу прожигают глаза. Вот это – необходимость! Вот это – необходимость! Торты бывают шоколадные, ореховые, миндальные, кремовые, розовые, песочные, земляничные... какие еще?

Четверо местечковых мальчишек явилось за забором. Подкравшись к окошку лавки, зажавши в грязных руках куски холодной мамалыги⁴, они смеются и шумят, любуясь пьяными; машут обедками, бьют в ладоши и детскими голосами орут, передразнивая: «Необходимость, необходимость, необходимость!»

Все исчезает.

Второй (слезая со стола): Спрячьтесь. Камень летит в витрину. Голодные жрут, а сделавшись сытыми, продолжают жрать и убивать. Не подвернитесь под камень. Берегитесь.

Племянник (представляя, что хочет втащить его на стол): Что же делать?

Второй (шепотом ему на ухо): Отдай жену дяде, а сам иди к б... (Громко.) Веселиться!

Первый (в порыве откровенности): Признаться вам – я не вчера женился, но у меня радость. Только жена плачет. Сегодня мы узнали, что, как его, вы его знаете – ее знакомый... (в смущении и со смехом) ...утопился.

Они выходят из пивной и возвращаются домой.

IV. Медведь

В спячке, бездейственно, освободясь от голода, медведь у берега поднимается из воды горбатой спиной и выходит на глину. Не оживляясь полным дыханием, нечувствительный к холоду; ни дня охоты и жажды, как это было прежде; тяжело через хворост; в поисках по оврагам, вглядываясь в поле, по следам намеченной цели; вместо всего над рекой вечерний туман и спокойно, вовне – кусты лозняка и небо под ней темнеет.

Оставляя глубокие следы; с него стекают струи со свисшей длинной шерсти и ручейками убегают в реку; он замечает сквозь белые листья летящую сову, но, нагнувши голову к самым когтям, маленькими глазами наблюдает ползание муравьев и норки тарантулов на сухих холмах.

Без ожиданий следит за лозняком. В мирном покое оставляет зайцев мчаться мимо. Без трудов догнать, без риска упустить. Но всем, что уносится, на бегу овладевают догоняющие мысли.

Сова летит над вербами. Из дома выходит щенок. Он думает: «Хочется спать». Листья вокруг шуршат. Каждому когтю подстилка на два дюйма. Черные лапы спотыкаются, гнилые ветки, отваливаясь, падают через дорогу. А когда выплывает солнце – последний свет – скоро восемь часов – блестит на мокрых листьях. «Боюсь охоты, и надо к дому».

Бока задевают кору. Увявшие дзardзары⁵ падают в траву. Щенок проходит рощу и выбегает на свет. Дорога спускается, извиваясь; под обрывами бежит река. Спасаясь от холодной глубины, речные мидии на отмелях чертят песок.

В темноте засветились свечи, они кружатся в воде и останавливаются в заливе. В густой бузине под толстыми ивовыми стволами в грибах зияет дыра, и перед ней разложены книжки. Над ними светят гнилушки. Заблудившись в кустах, щенок увидел медведя. Его огромный рост, мокрая шерсть и тяжелый взгляд до того ужаснули щенка, что он встал на

⁴ Мамалыга (молд.) – каша из кукурузной муки в виде бабки. – Примеч. авт.

⁵ Дзardзары (молд.) – мелкие дикие абрикосы. – Примеч. авт.

дыбы, повернулся, упал на четвереньки и бросился бежать. Но, скрывшись за лозняком, в любопытстве остановился поглядеть из-за прутьев.

Медведь заметил его. «Эй, живая душа, остановись! для чего? не беспокоит. Нет нужды. Ни бывшей не осталось. Теперь я доволен. Я не вспомню живо, не буду биться о камни и не проснусь от усталости для боли. Меня подменило время. Неудачника смерть уничтожает, вырастает из мяса совладелец опытной мысли. Я как разбегусь с обрыва и в реку больно вниз головой – утопиться, но оказалось – поплыл. Как будто здесь родился. Моя шерсть побелела, и я жив в воде. А если какой дурак и бежит мимо... Пусть бегут и летят. Мне остаются мысли. Они покорно рвут мясо, послушно ломают кости. Задирают крупных зверей и приносят. Я мысленно их съедаю. Ветер приносит запахи. Воздух звучен. Река приносит мокрые книжки. Их освещают гнилушки. Вокруг все тусклее и спокойно, но я читаю и в сумерки. А если осенью станет темно – я достану свечей ночью на хуторах».

Он следит за совой. Она исчезла в лозняке и летит над заросшей дорогой. Щенок тихо пятится и уходит. Медведь вытягивает голову и глядит на запад. Он высматривает за островами, по всей длине реки за обрывом поворота кукурузное поле в косом свете, белые пятнышки домиков или заборов и неприметное движение между ними.

Щенок, далеко обходя местечко, видит за мурами закутанных женщин, уходящих в дома. Двери плотно закрыты темнотой, окна стеклами. Головы платками, а плечи рукавами, и только лица и быстрые взгляды открывают светлые окошки. Он поглядывает на движущихся издали и, понутив голову, уходит.

Он спускается в овраг и попадает в кучи опавших прошлогодних листьев. Пробиваясь, он проваливается в них, дышит их запахом, раскрывает ноздри на гнилую траву под ними, освобождает следами случайные стебли, сгнившие корни и ветки. Запах скоро овладевает им, и он засыпает. Над ним на табачном поле ветер качает обнаженные стебли. «Чтоб не бежать на грабеж и не дрожать от страха; мне хочется спать; можно удивить, нет, лучше забыть, чем срамиться. Вот удачно ускользнул в тихую дыру». Не выбиваясь из сил, весь зарываясь в листья, он вползает в двери, задевая гнилые доски на петлях, и видит сон. Его поразила находка. Он владеет один. Ослепленный теснотой листьев, сжатых, мокрых и сухих, забивших шерсть трухой, он попал в пустую землянку где напасают сушеню⁶. Щедрый сон готов ее наполнить.

Ни света, ни звука – тепло и мягко. Покой и сон. «Без конца, – думает щенок, – буду спать». Прислонившись к земляной стене, он свернулся, положи морду на ноги, и закрыл уже глаза. Внезапно дверь отскочила от удара настежь. Крик: «Разорвем! Разорвем!» Вбегают девушки и за ними врываются, лая, сорок штук черных щенков. Виляя хвостами, прыгают, встают на дыбы, грызясь. Из отверстия двери светит свет. Он зажегся в стеклянных окнах и в обступивших дверях, играя в зрчках щенка. Его толкают. Звенит стекло, и в глотки льется питье.

Все тянутся к милым. Их появилось немало, в разноцветных платьях – тонких, полных, на низких ногах, стройных, сидящих парами, черноволосых, сероглазых, улыбающихся, кричащих перебивая. Девушки мечутся по сторонам, их волокут к столам, спотыкаясь в листьях, склоняясь к лицам, лижут языками в открытые губы. Слышны рычание и смех. Орут: «Веселей!» – и задувают огни в окнах. Стремясь остановить, увлечь, щенок зубами ловит, обрывая шерсть, бегущих, задевает ребрами – не чувствуют. Никто не увидел. В веселой толкотне у девушек избрав свою, ему незаметно, втихомолку, по стенам, все рассыпались, избегая встреч, и, бросаясь от группы к группе, ловя их всех, щенок остается один. А тихий шепот по углам, угасший свет и теплое дыхание отовсюду, сбрасывают на него с голых плеч черные платки...

⁶ Сушеня – сушеные груши, яблоки, сливы и вишни. – *Примеч. авт.*

Возросли смех и шум, посыпались стаканы. Осторожно, когтями в осколках, он ловит глазами чужие лица, приближается; опять его не видят и убежали парами в другие концы, и сверху сыпятся стекла темных окон ему на голову. Грохот идет от рам, они падают. Окруженный диким шумом, щенок не знает, на что глядеть, кого ловить. Поверх голов ветер носит листья, свет во внутренних дверях погас. У тесного выхода толпятся, торопясь, убегающие, и все исчезло. Щенок не находит окон. Опустивши хвост, он прячется в угол, садится на листья и плачет.

Как в палатке над головой, холодные капли; поднявши морду в невидимый потолок, он вскакивает с поджатым хвостом, кружится стесненно на месте, ищет вокруг следов, но нет никаких. В землянке посветлело, это ветер сорвал хворост, заваливавший вытяжную дыру сушилки. Против двери щенок видит деревянные закрома, разделенные двумя столбами. Шелестя листьями на полу, он их обходит и находит несколько сморщенных кислых винных яблок в белых крапинках. Съедает два, играет третьим и прислушивается. Ни шума, ни смеха. Он оставляет яблоко и воет. В тишине слышен запах яблок. Он бросается прочь, пробивает лбом толщу листьев; на небе звезды; не видит; разинув рот и задыхаясь в страхе и нетерпении – охота, веселый обед, ожидаемый вечер, он опоздал; нагнать! Он бежит к реке на запах по берегу; на ходу он проснулся; во всю прыть, перескакивая, скатываясь вниз, через поле, ломая кукурузные листья, к дому.

V. О втором щенке

В поисках второй щенок проходит по песку и траве, разбивая стебли, через овраги, лижет бруснику и высматривает, голодный до сна, короткие дни. Стало сухо. Солнце блесстит. Не успело взойти – закатилось. Настает холодная ночь. Последние пушинки слетают с цветов. Трава увяла, гнилые сучья крошатся. Больше не мелькают платья; ни рыжей шкуры, ни черных ног, все вымерло. Кто-то спит – видимо, под землей.

«Где их искать? Нигде. Ни лица, ни глаз. Всюду, вверх и вниз, – трава и лес. Видно, мне их не найти. Я хочу увидеть брата».

Щенок старается отыскать дорогу к Уде. Небо покрывают тучи. Лес качается до земли. Щенок проскакивает под деревьями. Его подхватывает ветер и несет по воздуху. Он скатывается с гор, взползает на горы и прячется для сна под камни.

Лакая из речки и грызя траву, он добирается до лагеря; закрывши глаза, проходит торчащие столбы и рухнувший хворост и не находит никого. Что за проклятое безлюдье! Нет ли вверху? Но и в небе ни птицы. Щенок спустился в деревню. Остались низкие срубы. Сорванные крыши унесло. Ни забора, ни стога. Вода ушла, но цепкая грязь не высохла. Щенок оставляет глубокие следы. Далеко на холме он увидел шалаши. Он сел на мерзлом местечке и кричит, зовя брата. Хоть бы где-нибудь откликнулось. Свинцовые тучи ровным слоем лежат на светлых сопках. Что это? Вершины белеют. Сухая холодная пыль касается носа. Ветер приносит блестящие крупинки.

Щенок поднялся на холм к шалашам. Кастрюли почернели. Два старика сидят, прилонившись спинами к сучьям. Женщина у входа. А где остальные? Пошли искать деревню. Щенок подбегает к сидящим. У женщины распухли босые ноги в высоких расшнурованных ботинках. У стариков повисли кожей щеки. Они не смотрят. Они, видно, спят. А женщина зовет щенка. Он медленно подходит. Она вынимает из полушубка и показывает обглоданную куриную кость и уговаривает его: «Ц... ц... Цыган, еще осталось мясо, я ее берегу для дочки, иди понюхай», – и она хватает крепко его голову и тянет его к себе. «Четыре ноги мяса; мясо на костях. И вот мне не страшно. Пусть они приходят. Теперь я их накормлю». Она душит его. Он в изумлении глядит на нее, птясь. Она кивает головой, заглядывает в шалаш и зовет, то «Таня, Таня», то «Ванька». Никто не приходит. Она все сильнее душит.

Один из стариков сзади, проснувшись, ползет, торопясь насколько может, к щенку. Тот не чувствует воздуха, горло сжато. Он тянет голову. Близко сзади старик. Он бьет когтями ее руки, лязгнув зубами мимо сухой кожи, рванувшись, освобождается и отбегает.

Женщина падает за ним и старается ползти на коленях. Напрасно. Тогда она тянется к нему и просит: «Есть, есть...». «Несусветная чушь. Что же, я оторву свою собачью ногу?» – и, понурившись, с ужасом он отходит подальше. Старик остановился на полпути к щенку и повалился, сидя, вперед. Другой все спит. Вдруг ветерок доносит запах снега. Последнее дуновение затихло, и сверху летят одна за другой редкие снежинки. Небо падает вниз, мягко струясь отовсюду.

Люди скрылись за текучим снегом. Щенок глядит, моргая, и в черных елках видит что-то белое. Там движутся белые пятна, как белые платья. Это Лидочка. Сквозь снег появилось лицо, мелькнули розовые ладони и белые руки – над блестящим репейником.

Верхушки шалашей побелели. Вот беда, небо потемнело. Не различить далеко. Щенок зовет и бежит вниз по полю по белой земле. Шалаша потерялись. Когда он вбежал в лес, стало совсем темно. «Успею, скоро догоню, увижу ее». Его подхватывает ветер, и он летит над лесом, не глядя. Потом он падает, плетется в снегу и поднимает голову: «Милая, где ты», с просьбами ее увидеть.

VI. Жалость

На дворе потемки. У окна сидит Таня. Над нею стоит дядина жена. Сквозь листья дикого винограда, окаймленные красным светом, видно кукурузное поле и дорогу. Таня говорит:

– Зажги свечу.

Жена: Ты пробудешь до октября? Подождала бы нас.

Таня: Мы увидимся в городе.

Жена: Там? Я думаю, там мы не будем друг другу нужны. Тебе не кажется, что дядя должен ехать?

Таня: Он не уедет без тебя. Вот племянник может увязаться; тогда я останусь.

Жена: Ты избегаешь утешений. На что же ты надеешься?

Таня: Утешения? Племянник? Он уверяет в близости. Но все забывает свои хитрости. Он утешает несчастьем. Но вот что из этого выходит: «Я прыгну вниз и упаду, но неизменно – стану на ноги»; и, избавившись от страха, он задирает голову и начинает: «Я сделаю такие усилия, я не знаю какие. Дождь идет – милая, чудная. Я дождусь такого дня. Я не знаю какого. Воробей пролетел, дорогая, золотая. Я буду хорошим. Одним словом, утешу». Но чем же? «Счастьем – своим счастьем!» И кого? Он любит не меня.

Жена: Что же он хочет вместо тебя?

Таня: Такой и сякой, писаный, немазанный, мелкая душонка. Стоит ли об этом говорить? *(Жена смеется.)* А ты заметила отношения с дядей?

Жена: Ты найдешь, наверное, в дяде много хорошего?

Таня: Он появляется без желаний, спокойный, сверху. Я невольно, однако, должна потупить. Впрочем, чудно глядеть на него. Мне нравятся его годы.

Жена: И это он?

Таня: Конечно.

Жена: Ты знаешь, чего хочешь!

Таня: У него в кармане все, о чем болтает молодой. И что же, ничуть не хвастает. Уступи место. Тот должен вытянуться и дрожать. *(Она показывает.)* Фу, стыдно, а потом, конечно, рвется с кулаками. С ним опасно. И это все, чем он может быть опасен. А он соблазняет муками. Чердачный кот.

Жена: Дурак. Я с тобой согласна. Надо думать, мук нет.

Таня: Нет? Никто ему не позавидует. Он действительно со мной, но только, знаешь – до кровати.

Жена: И это тебе противно?

Таня: Да.

Жена: Еще, еще, обмани себя вернее! Ты этого не хочешь?

Таня: Боже мой!

Жена: То-то! Ты говоришь, дело не в тебе? Это правда. Мне кажется, ему никого не обязательно, но волочись за ним растянута на кольцах, будь ему подстилкой, и тогда он может не понять, что разницы нет.

Таня: А для тебя: между ним и другим?

Жена: Видишь ли, есть род удовольствий, недоступных для меня.

Таня: Ты, видно, в них не понимаешь.

Жена: Да. На моем муже сидишь как на гвозде. Если твой зад создан для таких ощущений... А с меня довольно. Он тебе жаловался?

Таня: Да.

Жена: Ну, за жалобу он потерпит от своей остроты.

Таня: Значит, он обратится к чему-нибудь другому.

Жена: Пожалуй. К деятельности, то есть к злобе. Так как никак не получит, чего он хочет.

Таня: Мне казалось, что он очень занят.

Жена (*наклонясь над ней*): Хочешь, я расскажу тебе кое-что? Он подходит ко мне и жмется, тянется, позволя... и видно, как все мысли направлены в одну цель, не сознавая, измышляя в восторге бескровные глупости, и скачет, ломаясь, как тень по углам. А я ему высовываю язык: чего вы хотите, не понимаю. И через недельку начинает эту деятельность на сторону. А ты знаешь, что это за деятельность? Или валандаться по людям. Больше ему ничего не нужно.

Таня: Это ты виновата. Я бы не так.

Жена: Да, ты бы так: я всегда готова, милый, по мечтам, по ожиданиям, в любой момент. Но так его не хватит и на неделю, и он займется чем-нибудь другим.

Таня: Это он.

Жена: Будь он проклят. Увези его.

Таня (*сжимая лоб*): Я не понимаю – очень уж ты хитришь. Кого ж тебе оставить? Какого кузнечика-прыгуна?

Жена: Как ты несправедлива! Что ты мелешь? Ты хочешь меня оскорбить?

Таня: Пусть бы отстал от меня.

Жена: Чтоб пристал мой муж. Да, он мне немножко муж, то есть был мужем.

Таня (*смеется*): Как темно!

Жена: И очень хочет быть мужем, и ежедневно хочет, и надоел.

Таня: Скоро они придут.

Жена: И опять начнутся приставанья.

Таня (*отходит от окна, зажигает свечу*): Как, ведь он сейчас занят другим... он мне говорил о Балане.

Жена (*глядит на нее улыбаясь*): Уже бросил. Разве ты не видишь? Уже вчера сидел, уставив на меня глаза – в рот, как будто и зубы его, и язык его, и мысли, и вот вытащит одно за другим. Касался руками плечей, норовил обнять, что же, придется уступить.

Таня (*ставит палец на огонь свечи*): За несчастья плачу. А тот меня убеждает, надо-едает с пеной у рта, что стоит напиться, оторваться, и станет как бочка без дна, что будет, а может, закрывши глаза, заменит, при этом ревет. А он бы рад забыть, напиться, чтоб уто-

пить, и тянется, и тянется. *(Она хватает пальцами пламя, отнимает их от огня со стоном.)* Нет, это слишком безнадежно для тщеславия. Он ведь меня почитает как собака палку, то есть хозяйскую палку. Но теперь довольно. Это первый встречный на глазах. Он получит нечаянно.

Жена: Что ты хочешь сделать?

Таня: Пусть захлебнется слюной.

Жена: У меня на ладонях следы ногтей. *(Глядит на руки и прижимает их к стеклам, скрипнув зубами.)*

Обе молчат.

Жена: Кто-то идет.

Таня: Где?

Приходят четверо. Кричат:

– Дайте свечей! Что за потемки! – В доме забежали. – Тащите стол на веранду!

Жена: Где вы пропадали?

Первый: Вот мы и дома с дамами. Разрешите представить соседа. Он сказал нам такую грязную речь, что мы пили, а чертям тошно стало.

Дядя: И ему *(показывает на племянника)* тоже.

Первый: Но сам он чист как стеклышко.

Второй: Как целая бутылка.

Таня: Из него несет как из бочки.

Дядя *(подталкивая племянника):* А из него как из погреба. *(Жене.)* Грозил повеситься *(берет ее за руку.)*

Жена *(вырываясь):* Не жми, пусти.

Дядя *(таща ее к свету):* Ой, прости, дай *(хочет поцеловать руку).*

Племянник: Таня!

Таня: Что?

Племянник: Я решил уехать.

Таня: Слышала. Как кузькина мать собиралась помирать.

Племянник *(смеясь):* Ну, теперь я уеду. Вы увидите. *(Берет ее за руку.)*

Таня *(воет):* Пусти... пустите...

Племянник: Что с вами?

Таня корчится от боли и вырывает руку.

Дядя *(увидев след ногтей):* Что это?

Племянник: Что с пальцем, милая, тебе больно? Он красный!

Второй: Ну вот и бросили. Хозяева, где же стол? Будем ли, наконец, веселиться?

Дядя и племянник *(оставляя женщин):* Ну, что поделаешь! – будем.

Слуги ташат стол на веранду. Она узка, и стулья у концов стола коснулись стены и перилец.

Таня *(вынося свечи):* Тут ветер. Да вы все, кажется, ничего не выпили. *(Племяннику.)* Хоть напились бы раз в жизни.

Ветер гасит свечи.

Жена: Нельзя. Я принесу лампу.

Дядя: Мало света. Танечка, поставьте в окно побольше свечей. *(Беря ее за плечи, медлит и отпускает.)* Ну, идите, займитесь этим делом. А что тут кричали о пальце – перевяжите палец.

Таня уходит. Слуги ставят за окном пятнадцать свечей. Все озаряется постепенно блестящим светом.

VII. Дом

Из норы выходит заяц с вечерним холодком. Он, вставши на белые ноги в траве под луной, осматривает поляну; спускается в нору проститься и танцует вокруг жены. Мягкая, с чутким носом мордочка обводит грудь и лапы. Уши стригут на шумы сверху; они ласкаются теплыми шкурками и в углу съедают вместе остатки утренней капусты. На мягкой подстилке в глубоком тепле лежат, грызя накопленные листья, краденую морковку; весело. Жена в тупичке отгребает остатки синих⁷ и спускается с пищей, бережно неся живот.

А сегодня опять из норы в огород над рекой, за папшойной шелухой, гряды с круглой капустой, и, как раньше, сильный муж принесет еду. Жена ласково трогает мордой морду, доверчиво прижавшись телом. Он притащит сверху все, что встретит без охраны в оградах: упавшие яблоки, мимоходом лакомые корни и листья в тишине, из сушилки высушенные груши. О, прельстительны же вы, блага обожаемой жизни! Он вылезает из норки и, как белая тень, шурясь от смеха, несется прыжками по серой траве.

Щенок успел. Высматривает и слушает. Видно, сова не прилетала. Ожидая увидеть в доме черные окна – взамен он видит свет на веранде и людей. Он перебрался через перелаз⁸, мимо курятника, между муром и стеной, под навес, шурша папшойной шелухой, и от ворот сарая взбирается на жернов, садится и ждет. Время от времени выглядывая из-за столба навеса, он видит темную стену дома и движущийся свет на столе.

Заяц летит через пень, срывая землю когтями, и нежно жует губами, прыгая, – о жене. «Залечу на страшный двор, проскочу мимо окон в сарай и со сжавшимся сердцем, подбирая зад, но непобедимый голод, впрочем с душой в пятках, однако в нетерпении. Утешаясь в страхах наглостью воровства – для придания отваги и силы жалости – из слабости. Пробе- русь сквозь кучи сена и утащу для тебя, белая, милая, прелесть моя, и принесу тебе морковки и моченых яблок. Угощу тебя в мягкие губы».

Туман заливает пологий луг. В прудках под ивами и безлистными кустиками ворошится мелкая рыбка. То ткнется острым носом в ил, то вынырнет в траву. Вильнет направо – и след простыл. Лежит в холодной глубине и роняет вверх с боков пузырьки.

Заяц одним прыжком перемахнул пруд. Запачкал белые лапки серой водой, грязной, и дальше летит в счастье на дальний холмик к полю. А зайчиха спит в норе, уткнувшись мордой в живот. В животе у нее неслышно движутся крохотные дети.

С веранды, залитой светом, люди перебрасываются смехом.

Первый: Так угостимся у светлого окна без страха камня. Что тут у вас?

Дядя: Хозяйка знает. Пошевелись, погляди сюда, поговори со мной. Посадила через стол. Дал бы я тебе за злобу. Не дотянуться. Дай сюда руку, она моя, мой подбородок, мои волосы. Посмотри на меня – разве ты можешь иметь желанья? Ты наполнена моей кровью.

Жена: Ты хочешь сказать, что остаешься. Когда ж ты поедешь?

Дядя: Когда ты меня не ругала, не понукала? В первый день знакомства на подоконнике. К счастью, я не слышал, что ты говоришь, а любовался ртом и целовал до зубов.

Жена (тихо): Пошел к черту с нежностями.

Дядя: Грубая и злая скотина. Я из тебя выжму любовь (*смеется*), моя кровь. Дурак. Вот это твоя рука. Ее ты можешь целовать (*ударяет рукой*), можешь делать, что вздумается (*в стену с силой, тыльной частью – на сгибах пальцев течет кровь*), а вздумаются глупости.

Таня встает, поднимает его и отводит в тень, хватая руку, целует и слизывает кровь.

⁷ Синие – баклажаны. – Примеч. авт.

⁸ Перелаз – проем со ступенькой на половине высоты забора. – Примеч. авт.

Дядя (*освобождая руку*): Довольно, что делать, быть с тобой, увидеть тебя... Да, я клянусь, я даю клятву.

Он гладит ее волосы, а она готова упасть перед ним.

Племянник: Она лижет кровь. Я мечтаю о губах. Приятно полизать дядину кровь с Таниных губ. Они – видишь ты наконец, – они грязные, паршивые, в грязной крови, в морщинках. Прижаться к ним лбом. Лучше лбом в каменную стену. О, если б она дала! Убить сволочь, которая это чувствует. Вырвать глаза, которые это видят. Не надо этого. Милая, сжалась.

Жена: Что с вами? Оставьте их счастье. Ей везет, я сказала бы это.

Таня (*смеясь*): Довольно? Вам жалко для меня капелек... Слушайте! (*Она, запинаясь, произносит.*) Вы щедры не со мной. Почему это не хотите от меня больше?

Дядя: Мне не к чему – на простыню.

Все молчат.

Жена: Бери, бери – посмотри на нее.

Дядя (*обнимая Таню, жене*): Ты мне однажды предлагала – помнишь? Ты сказала так из сочувствия: «Почему вы не влюбитесь? Я бы очень хотела, чтобы вы влюбились в другую».

Жена: Ты же добился, чего хотел!

Дядя (*оборачивается к ней*): Я помню, нет жизни без исполнения. А ты чего хочешь? Еще год, и я окажусь бессильным и останусь с ней.

Таня: Нет... да, со мной.

Дядя (*кричит*): Отвечай мне!

Жена: Успокойся.

Дядя: Я пробую нежность – не хочет!

Таня: Хотите, сдеру рукава, хотите – шею, обнимите спину, целуйте грудь; сорвите. Мне без вас скучно.

Жена: Вот и бери. А ты беги в спальню – приготовься. Скоро ты уедешь?

Таня: Не хотите? Придумайте что-нибудь похабное, я не выйду замуж. Мне хочется порадоваться. Тише! Я ничего не говорила. Мне так нравятся ваши... мысли...

Все улыбаются, жена прыскает.

Таня: Разве меня там нет? Если б вы могли быть моим мужем, у нас был бы ребенок. Это все.

Первый (*второму*): Идем, тут что-то творится. Они наглotalись.

Племянник: Это видно, это видно! Сейчас. Но что если ты увидишь во мне? Открой глаза. У нас будет ребенок. Смотри сейчас. Нет, не видит. Бедрa разрываются. Не могу. Идем. Как я хочу. Все вы будьте прокляты до конца жизни во всех желаниях.

Первый: Куда я попал!

Второй: Скорей передай гитару с окна. Заглушим крики. Сказать тебе – между нами – мне нравится эта Таня. Играй, мы будем танцевать.

Дядя берет Таню за шею, сжимает ей затылок и рассматривает лицо.

Жена: Скоро они уедут, мы будем одни. Дайте руку.

Племянник (*стоит, прислонясь к столбу веранды*): Сейчас напьюсь воды, а то чего доброго станет дурно. Прозеваю еще пощечину. Это делается так (*пролезает через стул первого к Тане, хватая за ворот, разрывает верх платья; она вырывается и дает ему пощечину*).

Племянник: Так.

Первый отходит и играет на гитаре.

Жена (*отводит племянника близко к нему*): Вот я сделаю, что она предлагала. Таня, дядя тобой займется.

Племянник: Это радостно, на худой конец. Запрокиньте голову. Но мне все равно. Я ничего не вижу. Дядя, погляди на Таню.

Жена: Не подходи! Ты скоро едешь?

Дядя пробует встать.

Жена: Не подходи!

Второй: Надо ее увести. Они с ума сошли. Танечка, потанцуй.

Таня: Что он смотрит? За что он ее любит? Тогда вот так – хотите? Первый встречный (*прижимается к нему*).

Второй целует.

Таня: Целуйте назло. Целуйте еще, давайте. Первый встречный! Первый встречный!

Племянник (*не отрывая глаз от танцующих*): Поэтому я покажу вам вот что, дядя. Вы этого давно не видели. (*Разрывает ворот жены, стаскивает рукава, берет со стола вилку и бросает обратно.*) Поднимите голову выше (*сдирает одежду дальше*).

Дядя отворачивается, затем лезет на стол.

Жена: Уходи!

Племянник: Я поражен. Я к вам всегда хорошо относился. Ничего не слышно. Какая она худая и белая! Для чего мне это, вы бы убежали.

Жена собирает одежду, показывает дяде язык.

Дядя: Перестань.

Жена: Не подходи.

Дядя: Я выбью себе глаза. У меня в руках осколок стекла. Я разрезаю.

Таня: Хорошо, что первый встречный: сильнее, сильнее – он глядит.

Второй целует, держит ее.

Племянник: Все пришло в движение. Это тебе. Это конец. (*Срывает с жены кусок, лоскутьями, платье бросает на пол висеть.*) Худая... затем...

Дядя ударяет по горлу осколком стекла, но разрезал низ щеки. Таня подбегает к нему и, толкнув руку, вырывает стекло из пальцев.

Дядя (*зажав шею рукой*): Ага, в руке еще остался.

Племянник (*Тане*): Отойди от него.

Таня прикладывает платье к порезу.

Дядя (*поднимает голову*): Это не ты. (*Жене.*) Иди ко мне. Я не могу назвать имени.

Жена (*натягивая что-то, приносит йод и вату, передает Тане*): Залей. (*Та перевязывает, все молчат.*) Теперь уходи. Уезжай. Я не могу терпеть.

Дядя: Ты, прикройся.

Жена: Вон, сейчас же и не приходи больше! Я уеду. Я предупреждала тебя.

Дядя: Помню. Я перережу горло. Осколок маленький.

Таня (*племяннику*): Уведи ее скорей. И сам уходи.

Племянник: Хорошо (*берет жену за плечи и тянет к себе, к двери*).

Таня (*хватает его за руку*): Не надо!

Племянник: Ты же хотела (*подходит к дяде с бутылкой.*) Я разобью для тебя на осколки.

Дядя сидит молча. Жена натягивает остатки одежды.

VIII. Щенок и заяц

Заяц спешит к сараю. Щенок лежит и ждет. Опустивши морду на лапы, язык на холодные когти, полузакрыв глаза. Пахнет душной, сырой кукурузой. Ноздри двинулись; навозом, мукой, пищей, желудок шевелится под кожей. С веранды слышен говор и по-прежнему светит свет. Пробегая мимо стен в темноте по задворкам, заяц скользит как тень сквозь низкий

туман. То сожмется, сгорбив спину, чутко; то, как камень, летит с шумом до оврага, как в воду – прерывается звук и сам пропадает в землю. Проползает под желтыми листьями, на цыпочках под стеной, крадучись под яблонями, по взрытым кочкам, виляет следами по тропинкам и вползает в кукурузное поле. Сквозь шелуху горит огонь окон. Он подходит к полосе света. «Нырну, проскочу до тени», – и одним прыжком в пять метров проносится через свет, и ударился мордой о жернов, чуть не коснувшись ушами когтей щенка. Заяц отпрянул, ослепленный белой известковой стеной, и бежит в темноте к сараю. Наконец кончиком носа он толкает тяжелую доску; поджимаясь задними лапами к передним, напрягает спину и шею; доска поднимается, и он проползает под ней, а она на ржавом гвозде ложится вспять.

Тихими шагами следом идет щенок к упавшей доске; поднимает ее и входит в сарай, трясаясь от нетерпения, едва удерживаясь поразить. «Вскочу на спину. Клыки сцепятся, сквозь шкуру, на шее; окружатся колечками крови. Язык лизнет соленого. Он расставит лапы, ткнется носом в землю. Я его утащу и разорву». Щенок танцует, ударяясь задом о стенку. Он длит свою радость и не решается прыгнуть. «Вдруг над обмершим зайцем сверкнули мои глаза». Заяц бежит к капусте. Капли сквозь дырки в крыше собрались в хрупких мутно-зеленых листьях, ломающихся, прозрачных и подгнивших. Ему не до капусты. Скорей к своей милой. Уйти и радостно присчитать эту ночь к прошлым, накормить капустой ее и детей в животе, и самому; хорошо в углу, обгрызая кочан до сладкой кочерыжки. Он просовывает голову в ящик. В это время сквозь дырку в крыше вползает, сжавшись, сова. Не найдя щенка на месте – «Можно ли положиться на сукина сына?» – она садится на верхней ступеньке кривой лестницы и видит вот что.

Заяц, обнявши передними лапами мешок с картошкой, на вытянутых задних, перепрыгивая с одной на другую, опускает морду в щель между мешками, старается достать белую капустную голову; затем протискивается туда весь, лезет к ящику с морковкой и вытаскивает одну с трудом. Наконец влезает в ящик. Выбрасывая морковку наверх, он думает о норе. «Сотни раз. Каждый день и ночь вместе. Говорить с тобой, прижимать в холод, целовать шерсть. Бесстрашие украшено тоской». Он отгоняет смутные догадки. «Я благодарен голоду за силу задних лап, за скорость бега и за то, что я забываю страх, когда думаю о них. Только сверху дрожит земля и сыпется песок, я отрываюсь и готов шаткими прыжками на хитрости и на удары, от которых у черноглазой лисы разлетается тонкий череп. Только не преследуйте меня, ожидания. Все неотвратимое ужасно. Я хотел бы таскать морковку в нору потихоньку, бесплотно, срывая как ветер. Под вашими глазами я отказался бы от веселящей злобы. Я полюбил бы если не страх, то смирение. Меня преследует мысль о щенке. Зачем я свистел, нужно было бежать. Сохрани меня, земля, ноги, уши, шорох, свободный луг, от встречи с его бешенством. Не надо смеяться».

Щенок отрывается от стены, спешит и прыгает по мешкам к краю ящика и глядит в глаза зайцу, поднявшему к нему морду. Сова подбирается ближе. Заяц, бросается вправо: стенка! – пятаится, прижимается задом к стенке ящика.

Щенок (*отодвигаясь на задние лапы, смеется*): Ты засел.

Сова: Слепые радуются пище, когда всего их двое. Недомысленная радость. Оба движутся ею к кровавой драке.

Щенок кусает зайца в нос. Белую шерсть склеила кровь.

Заяц: Я не знал, что кончится этим. Скоро будет снег, расставанье. Ветер свистит в ушах. Сейчас убегу (*бросается вправо*). Стенка...

Щенок (*хохочет*): По морде! (*Бьет зайца*.)

Заяц встает на задние лапы, бросается на щенка и бьет его по глазам. Тот воет от неожиданной боли; ловит зайца, зубами левую лапу, прокусывает. Тот кидается, жалобно пищит и перевертывается, стараясь освободиться задом к щенку, и вдруг при сильном торжествующем хрусте вырывается и хватает его задними ногами изо всех сил по лбу. Щенок пока-

тился без сознания. Заяц прыгает на трех лапах к середине сарая, оставляя кровь, шепчет: «Мордой в доску. Ноздри слиплись внутри; воздух течет сквозь кровь. Темнота разбита на красные огни. В норе милая, в животе ребеночек; на губах капуста» (делает скачок). Сова налетает на него, хватает в воздухе. Заяц: «К земле; теперь я упаду». Падает, увлекая сову. Она бьет крыльями, садится ему на спину. Заяц: «Это не он, меня осеняют крылья; поезд; колесо разбивает череп. Я только шутил; я не хотел ломать». Сова ударяет клювом ему в затылок, впирается когтями в бока. Заяц страшно кричит.

На веранде слышат этот крик.

Первый: Что такое?

Второй: Это у вас ребенок? Что случилось?

Дядя: У нас нет ребенка.

Жена: Это в сарае.

Первый: Там возня. Надо посмотреть.

Второй: Его режут.

Таня: Кого?

Дядя: Я пойду туда.

Таня: Я с тобой. *(Убегает за свечами и со свечой в каждой руке идет за ним.)* Мы его возьмем к нам.

Дядя: Опять течет кровь *(повязка разъехалась)*. Я посмотрю на того, кто кричал.

Первый: Стойте. Твоя жена принесет ключи *(догоняет их)*.

Племянник: Побежала за ним. Если б он был нищим с порванным горлом! Мне его жалко. Эта безжалостная ее слепота. Но я ее люблю. Я ему отрежу ноги. Я встану и пойду за ними.

Второй: Кто там может быть?

Открывают двери сарая; веет сдавленным теплом.

С последним криком зайца, подцепив его когтями, сова взлетает вверх к отверстию крыши, ползет до ее края в ночной темноте и прыгает с ним вниз, зажав в когтях. Ударила крыльями о воздух, поднялась на них и, неся его, полетела.

IX. Жалость

Вскинув обмякшие лапы и свернув шею, мордой навзничь, лбом на земле, оттянув нижнюю губу, полураскрыв рот, щенок лежит на горбине посреди сарая. Открываются ворота в темноте; волнуются огни свечей. К щенку подходит дядя и толкает его ногой.

Дядя: Он околевает. Кто-то его убил.

Таня: Зачем он сюда пришел?

Дядя: Мне кажется, что у голодных не перерезано горло – очень хорошо быть одному в глубокой дыре и не иметь жены в последний день; завтра его не будет; позавидуешь свободному под ногами; и, издали бессильно глядя, сладко кусать свои руки; только чтоб не бежать, только отдохнуть. Мне совершенно все равно, что делать. *(Бьет щенка ногой. Тот очнулся.)*

Таня (с беспокойством): Что вы хотите с ним сделать?

Дядя молча наступает щенку на лапу и стоит на ней. Щенок вскочил, спотыкается, падает, изгибает шею и со страшным визгом кусает тяжелую ногу. Дядя стоит неподвижно. Щенок воет и бросается, но не может вырваться.

Таня (подбегая): Перестаньте, бросьте его, отпустите.

Дядя: Не хотите ли и вы сюда, вместе с нами? Вы – моя жена? Мне его жалко.

Не сходя, подносит свечу к морде щенка рассмотреть. Тот ползет от нее на трех лапах и снова рвет ногу зубами.

Таня: Он кусает. Бросьте. Гадина. Кровь течет. Я выбью. *(Бьет щенка в бок с силой, он отлетает на пять шагов и, ковыляя, старается убежать.)*

Дядя толкнул Таню, идет за ним, протягивая руки, с разбегу в темноте перелетает, обочивается. В это время щенок прыгает на него и въедается зубами в ногу выше колена.

Таня с умоляющим криком тянет дядю за плечи и вдруг тычет свечу щенку в голову. Свеча погасла. Щенок оторвался, и она бьет и отталкивает его ногами. Щенок с жалобным визгом забивается в угол.

В ворота вносят свечи. Входит жена, племянник и двое гостей. В страхе они стоят вокруг дяди. Жена прошептала, что он взбесился. Щенок, из темного угла, подползает, виляя хвостом, к ногам одного из гостей; боится поднять голову и видит, как входит другой и заслоняет выход.

Быстрые мысли стоящих соединились. Щенок слышит их. Вот их бред:

«Нас свела не свобода. Вот ее непринужденность! Если вы хотите свободы – уходите. Только не торопитесь к месту и к сроку в ногу со страхом. Бросьте все, не бросайте пустоты. Кто один, в палатке, на железной койке, прикованный, лишенный слепых движений, направленный по твердой дороге не в силах упираться, изменить шаги и остановиться. Вот – свобода!

Не иметь желаний значит не иметь бессонных мучений. Не видеть того, что доносят мысли, не сжимать в наказание себе пустого горла, не ломать себе бессильных пальцев, не кричать на себя – потише! – как будто перетягивает веревка, а главное – не подчиняться заговору услужливых ушей и глаз и не видеть у самого рта, под самыми пальцами убегающего счастья».

Дождь трясет брезент, кровь разгорелась при мыслях о ручье, на шерсть сверху, об одиночестве и беспокойстве от незнания. Начало повторяется; тогда вот что: «Стоит упустить как всегда и иногда наткнуться, задеть локтем помеху – чужого человека в дверях: как хочется дать ему в зубы, повалить, броситься через него, затоптав зеркало, разбивши самого себя, через себя, вырывая мясо щек, выбив глаза у тех, что получше, отрывая носы у тех, что повеселей, и крича так во все горло: мне больно, я взбесился, мне больно».

Дядя: Будьте прокляты! Ты уполз бы, но жаль оставить, жаль не глядеть, видно, пальцы прилипли к горлу. Вот радость! *(В оскаленную морду летят камни, чтоб не скалилась. Шарил палка, пузырьки крови окаймили белые зубы.)* Он на цепи. Собака рвется вперед.

Щенок: Я отскакиваю, и цепь впивается мне в глотку. Он разрезает себе горло стеклом. С яростным лаем так и въелся бы зубами – окровавленными в тело.

Но по голове хватило камнем.

Он падает грудью в землю и поднимается на дрожащих лапах. Он сошел с ума.

Но уже и мысли нет о том, чтоб вырвать цепь и потянуть за собой, повалив эту сволочь, грызя. Теперь он забился вглубь, потом выбегает с рыданьем, заискивая, но камень рассекает бровь. Он ползет на брюхе по бившим остриям, подползает к палке с высунутым языком: «Перекусить, да нет же, я хочу лизнуть, умолить, чтоб довольно, не била». А она в середине лба вырывает огненный клоч, заливая кровью ноздри. «Ползи скорее. Да, я успею спрятаться». Но его настигают последние камни и перехватывают ему спину.

Люди стоят у ворот. Щенку мелькнул просвет. Тут он сразу, с задних лап, достигая головой до подбородка, кинулся на второго, вцепился в грудь зубами, захватив одежду. Отшатнувшись, тот падает, подвернув ногу. Щенку открывается темнота, но он ее не видит. Ярость рождает радость. Щенок, рыча, впивается в его рукава, рвет рубашку и грызет локти, защищающие лицо.

Первый подбегает и бьет его, размахнувшись, по спине граблями-зубцами. Они провалили шкуру и впились в кости.

У щенка перебита спина. Племянник закричал громко: «Вот как веселится дядя!»

Щенок только шевелит лапами, пытаясь спрятаться. Они кружат его по полу, на брюхе. Забирают все налево и налево. Спина передавлена колесами. На голову падают удары ног. Он кричит.

Только он начал, дядя бросает маленький камень с бочки огурцов ему в бок и слушает горький плач. Он кончил, вытянулся и, кажется, издох.

Дядя: Теперь меня ничто не ограждает. Что бы найти? От чего? Я удивлен. Я не понимаю. Вот щенок.

Племянник: Все это достаточно наглядно.

Дядя: Что вы все засмотрелись? Вы меня ждете? Я занят – как по-вашему? Его надо еще выбросить.

Он поднимает щенка и тащит его за шиворот. Тот только движет головой. У калитки над рекой дядя размахнулся и бросил его с обрыва. То, что ниже следует, длится секунды.

Племянник: Погляди, что в сарае.

Таня: Да, вот что... идем домой.

Дядя (шепчет): Будь ты проклят. Что он понимает... Неужели мне не хватает? Неужели я молню возобновить? – чтоб жить. Что?.. Нет, промелькнул короткий провал, и теперь я вхожу в свой дом, и его населяют неотступные вещи, расставленные по местам. Я здесь, но, Боже мой! я здесь! Я их вижу. Сумасшедший, что я просил? Чего я просил? Нет, проси пустить, проси убежать. Проси свои глаза показать другую такой, какая она есть. Пусть они ослепнут, пусть видят другие. Другую... и другому! А мне ее. Я упаду перед ней и буду умолять. Неужели она не захочет отстранить? Это очень легко. Она отходит!

Таня: Посмотрите на меня.

Дядя: Да, на тебя! Вот живое тело. Спасибо этому дому, пойдем к другому. Слепой дурак. Чужие слова! Неужели в самом деле? Я нашел бы. Кто? – Это не я. *(Он перебивает себя.)*

Таня: Это ты, милый, мой милый, мой дорогой, это все ты. Удержись, удержись сейчас. Боже мой, я чувствую, это близко. Это близко. Счастье. О, Боже мой, что мне ему сказать!

Племянник: Скажи ему – убей того, кто мешает *(смеясь)*, это значит – брось жену.

Дядя останавливается и смотрит на жену.

Жена (сжимая руку племянника, вдруг бросив ее и опять схватив): Ты все увидел. Я тебе предлагаю... Нет, нет... Я просто хочу быть с тобой.

Племянник кивает.

Жена (обращается к первому): Сосед, вы довезете меня и его до станции?

Первый: Ладно.

Дядя (подойдя к ней): Деточка, деточка...

Жена качает головой. Он сейчас же направляется к дому. Жена вцепилась в руки гостей: «Я не пойду, подождите». Дядя возвращается, выходит из-за высокой кукурузы, подходит к жене и, выпростав запрятанное в рукаве лезвие бритвы и вырвав жену шагов на пять, так что она бросает руки гостей, торопясь, чтоб не помешали, сжимает ее руку, так что она падает перед ним на колени: «Погляди, это ты». Перерезает себе горло и последним движением старается одной рукой, выпустившей падающую бритву, от которой жена отшатнулась, приподнять свою голову, навалившись всем телом на нее, чтоб показать ей рану. Она успевает отскочить, и он падает лицом вниз. Его голова подскакивает.

Х. Заяц

Пока баба с печи летит – семьдесят семь дум передумает.

Ужин. Нужен. Сова торопится домой. Она несет зайца через реку. Он движется, очнувшись, старается вырваться. Тогда он чувствует клюв на затылке. Это удар, но до второго он рванулся и с криком срывается в воду. Вот что он видит: «На низком берегу за болотом растет капуста. Сквозь частые стебли тростника белеют головы. Без нее я не вернусь». Тут он пошел ко дну.

«Вода сомкнулась; я спрятан. Глаза открываются на ржавчину. Песок иссечен ползками больших ракушек. Из разрушенных черных створок высоко растет зеленый мох. Пронизывает холод. Вода кружит и быстро выносит вверх на светлую поверхность в гаснущих берегах. Она бурлит под белыми лапами. Круги идут до берега, и с каждым взмахом я уплываю. Сперва дыхание ровное. Теплота ласкает грудь и ноги, но вдруг холодная полоса ударила в ребра. Это толчок течения. Я погрузился, леденею, стал тяжелым, а вода легкой, и я падаю на дно к песку; темное кольцо сжимает плечи, давит горло и закрывает глаза. Я прыгну. Ага, меня выносит. Вода желтеет, и на темной глубине видны колышущиеся тени двух сплюснутых желтых лап, мчащихся вверх. Теперь я плыву в тумане. Вода блестит близко, только перед самым носом она уносит то вправо, то влево. Я плыву и остаюсь на месте. Я в ужасе. Скоро ночь, и берег пропал за темнотой. Сквозь нее мне слышны окрики. Веселые голоса. Я не различаю: не из норы, а со двора. Да, огни заблестели. Не зовут назад, а гонят вперед. Значит, это хорошо. Надо схорониться. Да, впереди огород, а сзади нет огней и страшно. Еще усилие, одно за другим, одно выволакивает, влечет другое, а там еще. Удар и еще один. Сперва до ломоты, до боли, потерял ее, без сил, не останавливаясь, повторяю вперед, да, вперед, в тумане, через вздувшуюся воду. Я не знал, как трудно переплыть. Смех, веселая разлука, смелость, уговоры без жалости, нет сил – обман».

Он боится нырнуть, узнать глубину, боится всплыть и старается протянуть еще. Он занимает себя мыслями о жене, ее глаза над ним. Погружаясь, он просит коснуться и прижаться, чтоб быть вместе. Вдруг его коготь задел песок. Ему стало смешно, и он чуть не захлебнулся, фыркнув: наверное, давно тянется мелководье.

Тростник проносится, опутанный ползучей травой, вода проступает на сочных стеблях. Он сгибается, и волны заливают его. Они срывают раскачивающиеся в воздухе стебельки мохнатых ползунков, те выются по ветру, как длинная шерсть, падают и колышутся в прибрежном болоте.

Заяц карабкается. Безумные надежды на жизнь и возвращение! Песок налип на шерсть, пристал к губам, засыпал глаза. Заяц ложится на него в мелкой воде под черным небом. Острова тростника внизу, на них набегают плоские речные волны и красный высохший тростник, выше его освежает ночной туман. Вверху колодец черного неба, развеваются светлые языки, разрывают туман, черные дыры машут тысячью рук, гнетут его вниз и топят в воде, и вот все небо горит чернотой и яркими звездами. Из них дорожке всех одна. Она туманна и бледна. Это капуста. «Вблизи за тростником. Вот тебе капуста, милая. Вот та, самая белая». Тонкий листок упал на траву. Она едва согнулась под ним своими стебельками. Заяц грызет, отрывает и царапает кочан, торопясь вернуться, но от усталости засыпает.

Он проснулся утром. За плоским берегом лежит крутой красный холм, за ним еще – целая лестница; чем выше они, тем чаще лес, чернеющий на них. «Чужие это места, куда я попал? Я не плыл сюда и не хочу быть здесь. Желтеют сосновые стволы с чешуйчатыми ветками. Растут белые выгоревшие березки. Я очень не хочу. Ближе к траве, сквозь утренний туман, ползущий к самому носу, кладущий пальчики на лапы, видны цветы, красные и желтые маки, и осыпи блестящих камушков, и целые ребристые бока проржавевших скал. Шкуру продирает дрожь от этого места. Оставлю это». Туман поднимается кверху. Явилось солнце. Он видит отгрызенный кочан капусты, скатывает его к реке и бросается с головой в холодную воду. Он толкает кочан в воде. «А я думал, что это снилось. Я его принесу! Жди меня в норе, не выходи. Я тихонько, сквозь кусты, прокачу капусту. Смирено, чтоб

не упрекать в наглой смелости. Вот я уже благополучно на берегу. Резче, чем стук саранчи, на меня налетает страх. Я убегу. За мной летит по пятам, не вижу над собой. Без оглядки». Он выпрыгнул, одним ударом расширил красные ветвистые крылья, сухие жилки налились кровью. Она прокатилась под тонкой кожей и проколола ее в тысяче мест.

«Бодрый холод сжал мне тело. Легкость уносит ноги. За спиной поднялась гора. Она оградит. Все отступает, мысли кубарем раскатились по темным дырам. Там их объемлет теплая тишина, и они, запутавшись в корнях, переплетаются со стеблями. Их обрастает теплый мох, на них оседает легкий прах. Солнце их желтит и сушит, они омертвели. И без них скроюсь».

Без памяти от усталости он добегают до хутора. В темноте между кустами на веранде движется вправо и влево огонь. Он приближается и пролетает мимо. На плечи брызжет холодный сноп, то учащаясь, то сходя на капли.

Перед ним все гнется в петли. Заяц сжимается под стенкой. «Саранча налетает на огонь. По ее жилам струится кровь. Они рассыпаются на тонкие волоски, и крылья рвутся с треском и скручиваются словно от жара. И она кричит от боли, и мне ее жалко. Что же ночью за победой?»

Дыхание мягкое, спокойно. Страх уничтожен хвастливой насмешкой. Сон клонит голову. Толкая тихо кочан капусты, заяц пробирается мимо веранды. У запертой двери стоит сторож. Он говорит с кухаркой.

Сторож: Чем сегодня будешь кормить?

Кухарка: А тебе все мясца.

Сторож: Да, мне бы что-нибудь твердое. И поточи ножи.

Кухарка: А чего же мясного? Разве дичи.

Сторож: Хорошо, можно.

Кухарка: Зайца?

Сторож: Хорошо, можно. Не забудь поточить нож.

Кухарка: А зачем его точить?

Сторож думает: «Я зарежусь». Вдруг он подмигивает.

«Но вот они умолкли. Что же мне грустно? Никак не могу вспомнить. Ну да, я еще не в норе. Холодный ветер дует на меня, обдает холодный дождь и ворошит шерсть». Наконец заяц заползает в свою нору. Глаза открылись в темноте. «Наконец я тебя увидел. Нора завалена листьями. Нужно в них закопаться, старательно, усердно; я должен сжать, не выпускать, накормить капустой».

Вдруг в дырку входа просунулась морда, близко к кочану. «Проклятые воры; под носом, кружатся вокруг норы. Я вам переломаю, проклятые воры, крылья. Все добро, свое добро, краденное с трудом, проклятые, будьте прокляты, уносят; я вам не дам. Я когтями сломал крыло; слетается масса проклятых сов. Однокрылая сволочь взползает на насыпь. Мне придется плохо от этого за того. От кого? А, мне видится вечный обман. Так вот для какой чепухи меня душили страхи, для чего я вспоминал преступление. Я наказан за преступление? Тяжелое мое преступление! Я преступник! А, проклятое все! Обманули меня в моем ничтожестве мечтами о жестокости. Я сам... Будь он проклят. Я его не трогал. Я несчастный». Но на этом сова раскроила его череп клювом, вторым ударом.

XI. О втором щенке

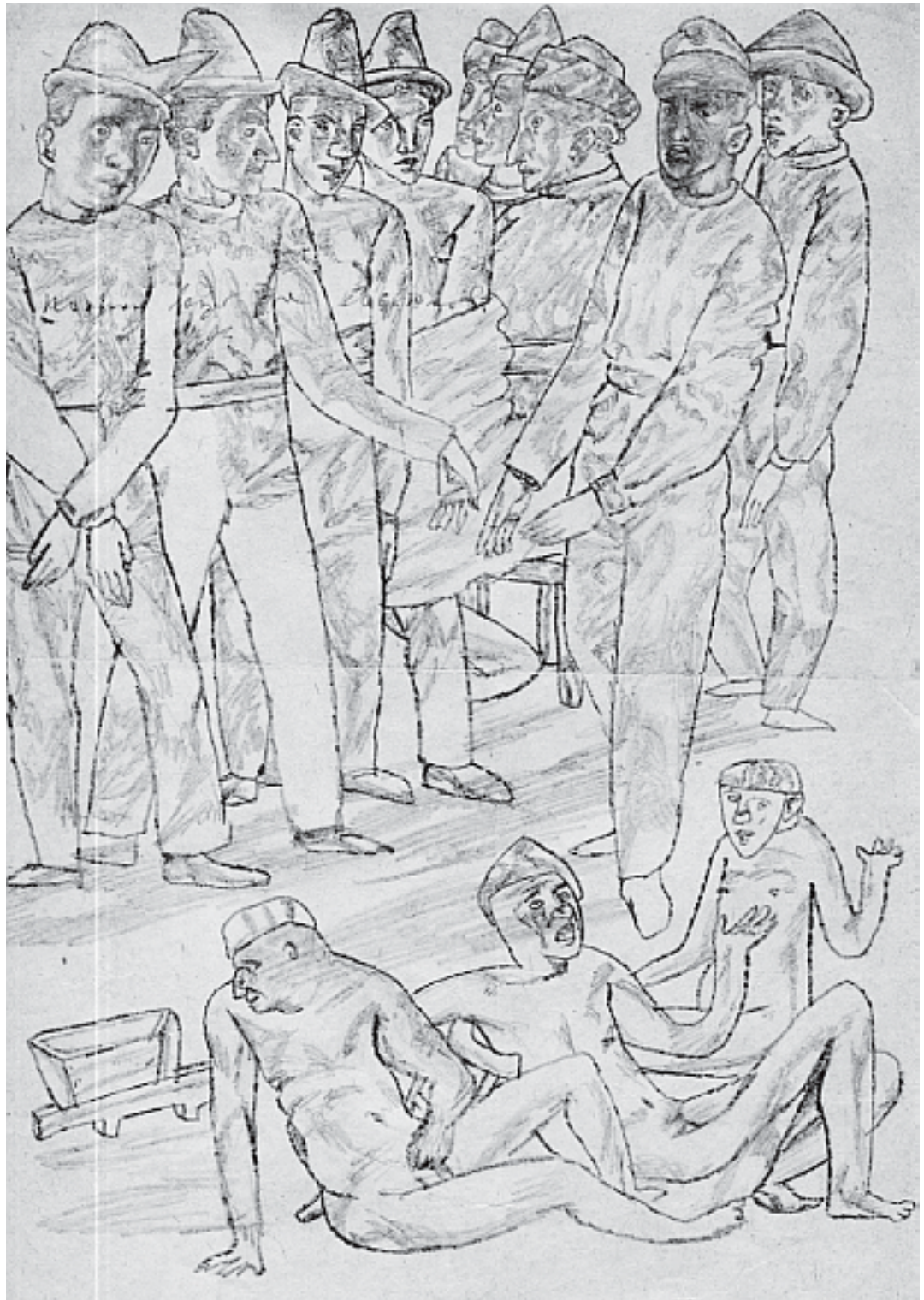
По заросшей просеке вечером пробегает второй щенок, с красными глазами, нюхает траву и глину в заснеженных подмерзших ямках, ударяет твердыми когтями задних лап, испугавшись чего-то, по обломкам гнилого дерева и несется версту за верстой, мимо склоненных берез, растущих по пяти из одного корня.

Его гонит страх одиночества и тоска – сквозь густую траву, и справа и слева доходит до лба холодными стеблями. Он бьет ее мордой в две стороны, но она мешает бежать. Он замедляет бег и продирается по вянущим оврагам. Редет. Просветилось и тут и там темное небо. Он вышел к реке и видит плот. Вокруг четырех костров тесно сидят люди, обернутые чем пришлось, тряпьем, поплотней, сжавшись. Лежащие спят. В котелках на огне закипает вода. В темноте у телеги белая лошадь с обтянутыми ребрами и серыми пятнами грязи, склевившей зимнюю шерсть, заложив копыто задней правой вверх бабкой, опершись на левую ногу. Не шевелится на шорох шагов, на звук голосов.

Люди у огня греют руки и ноги, жмутся, доедают что было луку и орехов; в прорехах и дырах ищут – может, осталось – крошек; ни корок, ни огрызков, и у вывернутых карманов в траве на коленях шарят руками – поднялись с пустыми.

Всю картофельную кожуру, какая осталась, бросили в котелки и следят молча. У них синеют глаза и щеки опалены. Им холодно. У самого огня лежащий концами пальцев тянется на красный свет, а спина у него дрожит, обращенная в холодную сторону к темноте в лихорадке. Глаза горят в песке. Кожура в котелках в речной воде закипает, бурлит и фыркает. Они стерегут ее – по три ложки хлебнуть и подниматься. Кто может, тихонько себе бормочет: «В путь, в путь, пока сил хватит. Перейти реку, найти дорогу, не потеряться. Где же у нас силы? Пристать в пору; по-братски поделимся голодом, придемся ко двору. Нет, нет, просто найти, где счистить с пшеницы ости, набрести на поле, понюхать теплой пыли. Хоть одну бы горсть». А спящие видят, что чужие дороги и реки – раздвинутые ноги и полные руки.

При искрах хвойных веток, под треск, под вой в желудках проснувшийся молодой Холодай привстал, от света закрыл рукой, пялит глаза, высматривая пищу, заползает за огонь, шарит... «Тут котел... ниспослал... страшно». Он падает опять и засыпает. Его не расталкивают. Он встает. И трое, спустившись с трудом под гору к реке, выбирают длинный шест из воды и плот притягивают к берегу. Уже другие, озябшие – пар вылетает на огонь осенними скользкими листьями, – толкают телегу. Вывели на дорогу и спускают. За ней на недоуздке потянули лошадь. Будят спящих, подымают, не оставить ли? Нельзя. Оставили огни: «Еще отдохнем, доспим. Дядя Саша, повернись к огню спиной, не тянись пальцами». Он дышит, и пар осеняет голову. Под утро заоченел и мирно уткнулся головой в рукава обеих рук, без дыхания, едва через белые губы, через ноздри тонкого носа парок, иней на бороде. Ослабел. Его взвалили на телегу в белом овчинном тулупе.

Народ. 1935. Б., графитный кар., цв. кар. 30х21

Щенок придвинулся к огням. Жадно носом водил за следами, трава измята телами. Глаза в темноте, между обуглившимися шишками, ищут, не здесь, а как прежде, до подробностей знакомые, все тут же – и запах, и ощущение гладкой кожи ног, красные ладони рук, испуганный голос; ничто из того, что окружает, не обращает на себя его внимания, и кажется, если б он увидел сестер, он бы их не заметил.

А белая овчина на телеге, внезапно засветившаяся под холмом, привлекла его. Она пропала. Телегу вводят на плот. Он побежал за ней. Старик в овчине без движения, в сене, в

согнутых в суставах пальцах зажаты полы тулупа, он лежит смирно, его обделили картошкой. Дали кипятку из котла; в закрытых глазах стоят красные шкурки, развешены, присохши к веревке, и жадно рвутся навстречу, не приближаясь. В сарае сети с рыбой и мелкая дичь. Большие леса полны.

«И то и но за нож в колы́не снежно схватился вырбу глубокие следы. В ноздрях при-сохли волосы вниз велся, полозья. Гроном да порази за рзави. До смеху хижэ закинул сеть и есть за щеки костью поцарапал небо и вынул пальцем обтер кровь по меху на слух не запер, а в ельнике следками по полям капли крови сгиб лапки. Больно. Нарыки выкипел вор труп уносит за хвóд за óвод везги везжи летом виро не верую до рóбленных дорóб. Старик ушел за дичью за слóнило затемнело и свернул закопал до дождя и смыло за ствол сквор горы под рукой. Одиноко над рекой».

Через листья сыпятся капли снега. Лапы ступили в теплую золу. «Вот сквозь скрип и голос; там, где белело, на телеге. Вот радость. Вся радость в поисках. Выдумка надежды. Сцепление быстрых сходств». Щенок сбежал с холма.

У самого плота он видит: в телеге, собравши рукой крепко на груди овчинный тулуп, полулежит старик, глядит на него и силится крикнуть. Вытянув шею, неподвижно явился щенок, или спросонья. Ослабевший голодный приподнялся, заглядывая через борт, опершись на него подбородком. Он протянул руку и хотел крикнуть, но щенок отбежал и потерялся.

Плот качнулся. Доски вприплотку двинулись. Его оттолкнули и увели. Щенок сидит у воды близко от ожидающих. Холодный дождик цепенит. Прозябшие спины сгорблены: «Понеподвижнее, без движенья, так ни холод спины, ни мокрые рукава, все не тревожит, время без разделенья, ни вода сквозь дыры сапог, ноги не движутся, чавкая не пристает».

Скоро плот увидели опять и притянули к берегу. Остатки веревки, много раз скрепленной из кусков узлами, крепко зажатыми водой, тянут, перебирая покрасневшими руками, быстро втаскивают на мелкие камни, вжимают боком в глину и прямо по воде торопятся, длинной палкой ощупывая дно; спотыкается сухой, протягивая руки, сквозь спущенные веки в темноте, на концах пальцев внизу бревно, а вверху поручень плота. Он накренился; ободранная кожа обрывается деревом, веревками поясов, щеки прижимаются к мокрым спинам кожухов и опять застыли в неподвижности. Уцелевшая створка фонаря хлопает по столбу, грызя древесину. Немногие говорят:

– Живем не мотам чужого не хватам.

– Попадется... сорвется...

– Дожили до моту ни хлеба ни табаку.

Погрузили шесты. Щенок готов бежать к ним и прыгнуть на плот, так как здесь никого нет.

Вдруг он в испуге повернул обратно. «Не отрываться, через реку. Я ее там не найду. Она останется здесь. Она у огня. Одна. Если я убегу – разойдемся. Скучно, скучно. Не уходить от огней. Там она, верно, ждет».

Щенок бежит по холму. Последние собирают у костра тряпки, напрасно ищут кожуру вылавливая из котла; хлебают горячую воду привязывают к поясам котелки, остывавшие в траве. Только щенок бросился к костру, двое уходящих опрокинули котел с кипятком на огонь. Он задымился и погас. В темноте они подняли котел на палки и ушли к реке. И нигде – от костра к костру быстро расступаются острые ветки, осыпается глина с обрыва – всюду никого. Всмотриваясь, он спускается в холодную воду.

«За тенью от огня вместе с ней в темноту, перегнав, за веревкой плота в водяной тишине близко-близко к уходящему дереву, и вот возвысился берег; набегают сверху утренние тучи. На полоске в конце речки еле видно – ветер коснулся воды. Ничего я не вижу толком». Он взобрался на крутой берег. Люди, дрожа, толкуются у телеги и никто его не видит.

«Что же путает ноги, что так стемнело? Ночь. Стоит кинуться вперед, идет снег и побелел путь. За стволами не сугробы, а заборы. Все давно знакомо, меня кружит. Здесь я найду. Все обыскано. Верно, она далеко. Вместо дома – сквозь окно – как больно, как темно». Перед ним глухая деревня. Подножья колодцев залиты льдом. От веток тени на снегу. «Приневолю себя не свалиться, еще продержаться низко под кустами, нет же, добегу. Скорей к окошку. Вот улица. Это та. Тут и дом, сейчас за канавой. Вот ворота, застучали быстрые шаги. А где же она? Я теряю направление и ясность». Щенок кружится в соснах. «Не просыпаясь. Управляет, телом сквозь сон, одно желание ему наперекор. Камень держится в полете. Вот он: что ж ты убегаешь? Ну вот, теперь уже близко». Открылся лес. Он падает вниз. «Нет, ведь я только за этим. Но за каждым ответом и камнем степи и отказы».

Голодные уходят дорогой в мокрую чашу. Щенок бредет за ними. Он высматривает Лидочку в лесу. Когда он засыпает, он видит ее с людьми. «А кто с ней?» Он просыпается в крайнем ужасе. «Кто? Не я». Он сворачивает в сторону и, оставивши голодных, уходит.

А голодные торопятся, спотыкаясь. Мокрый песок в дыры, натирает ноги, раздрает между пальцами кровавые ранки. Один садится, прокалывает иглой водяной пузырь и наново обматывает ноги тряпкой, хорошенько отряхнувши. С ним поравнялись двое, он встал. Втроем догнали телегу. Он заговаривает об еде. Другой отвечает:

– Над рекой хутора, сараи полны зерна, есть кукуруза. Солнце печет, на баштанах⁹ сладкие дыни. Поторопимся, ребята; может, накормят.

– Накормят?

– Поедим – не прогонят. Как прогнать, когда их – пять с двумя верблюдами вместе, а нас до... великого. Поедим. Главное, поесть. Да, будет большое счастье!

На крутизне над рекой стоит Петька. Он бормочет про себя, обращенный лицом к тому берегу, отплеываясь сквозь редкие зубы. Руки мокрые до локтей и ноги до колен. Сбегаet вода. На реке лежит брошенный плот.

«Я прошу в страхе, а такие пустяки, как хлеб и мясо – не наше дело. Смело валяй через реки, чтоб у милой целовать руки; заглуши водой, залей! Счастье твое, что голодно. Вот и загвоздка. Если вдруг заняться хлебом? Еще бы, и хлеб и вода и небо и земля – все у меня в кармане. А если все порвется, нитка за ниткой? Нет. Да держите же меня крепко, голод, боль, усталость, я вас прошу, а то вам грозит, что я наемся. Если все порвется, нитка за ниткой, другие... Если не полюбит? Ах, не уходит! Исчезли. Если не найдешь? Пропали, уступили. Ну вы стервы. Но если совсем ничего, ни хлеба с водой? Как теперь за спиной. У людей... Бывает, что и щенок летает. Так вот что: поспать с милой. Ах, нет, жестоко, больно. Я проснулся. Близко-близко коснулась. Так близко, так ужасно. Проснулся. Спасибо».

Вдруг он возвысил голос: «Догоню людей, пойдем вместе. Как мне вас утешить? Чем вам помочь? Дал бы вам от себя, да жаль тратить на сволочь. Лучше вы меня послушайте. Подам надежду. Милосердный грош. Положу предел горю. А в уши вам все лезет, небось, счастье да счастье. Сытая надежда. То месть, то сон, то сладость встречи – руки и плечи; каждый находит свое в доме, в книжке, не хотите – в листьях и в реке, в дупле – может, тогда в обеде. Бога ради! Да, если вам невоготу, обратимся к надежде, то есть я хочу сказать – к вере и любви. Кто чему подвержен. Но если все порвется нитка за ниткой, ну, предположим, не останется ничего – я понимаю, так не бывает – но, предположим, без жизни, надейтесь на смерть. Разве над мертвым скажут: этого не сделал, не смог – он показал язык, убежал от них и лег. Кто это скажет? У кого охота к спорам? Плевать я хотел. Разве мертвец ревнует к милой, к мясу и живым деткам? Он в тишине и порядке. Я надеюсь, что вместе с паршивым телом любовь умрет и сгинет. Я тебя утешу тем, что его жрут черви. Кого? Радости-то! И вот моя месть! Что это, и здесь колеблется? Нет, уйдите! Если все порвется, если мысли не

⁹ *Баштан* – в Молдавии то же, что на Украине бахча. Бустон по-узбекски – красивый сад. – *Примеч. авт.*

исполнятся, если тебя сжимает, если тебя целует и ты отвечаешь, глядя не на меня, слушая не меня... Ясно, ясно, надо просто утопиться. Утопись, утопись. Кто голоден, утопись, кому плохо – утопись; кому больно – утопись; кого бьют, кто хочет есть – сюда, сюда в воду. Тихо, осторожно, не свихни ногу. Ногу-то? Мне? Боже мой, Боже. Да зачем она мне, моя нога? Милая, где ты? Сжался».

Остановившись на середине спуска к реке, он опять бежит, но у самой воды спотыкается и падает, и ушиб колено. От боли падения он вскрикнул и с проклятиями бьет себя кулаками в лицо и по голове, так что у него пошла кровь из ушей и носа. Он встает помутненный и дышит медленнее.

XII. Медведь

Медведь оставляет следы на глине. «Вверх на сухую, где трещины и дырки. Пробуравливая ходы, ползут медведки. Коричневые панцири, прозрачные и извитые хвостики и жала на концах – впиваться в ступни. Это плохо». Медведь шагает в пыль, трясая на спине шерстью. На дорожку слетают листочки яблонь. В окошке сквозь ветки он видит свечи. Далеко, все рвется и рвется. Все ускользает. Затем опять – беготня прекратилась – горят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.